

ШИЛЛЕР

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

ДЕТГИЗ • 1959

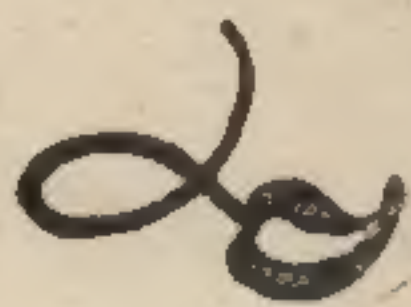

Ш К О Л Ь Н А Я Б И Б Л И О Т Е К А

Ф. ШИЛЛЕР

Вильгельм
Телль

Драма
в пяти действиях

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
МОСКВА 1959

Перевод с немецкого,
предисловие и комментарии
Н. А. СЛАВЯТИНСКОГО

Редактор
С. В. ТУРАЕВ

*Рисунки И. Кускова
Гравировали Ф. и Л. Быковы
Оформление Э. Гинзбург*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Славятинский. Шиллер и его «Вильгельм Телль»</i>	3
ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ	15
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	17
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	51
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	79
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	110
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ	143
Комментарии	166

ШИЛЛЕР И ЕГО „ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ“

(К двухсотлетию со дня рождения поэта)

I

Фридрих Шиллер, великий немецкий поэт и драматург, родился 10 ноября 1759 года.

В те отдаленные времена Германия была феодальной страной, распадавшейся на три сотни карликовых монархий. Из поколения в поколение немцы содержали многочисленных государей с их дворами, войском и равнодушным к народу чиновничеством; вековая паутина границ опутывала народ, в котором его феодальные властители старались вытравить сознание единства.

В стране, до такой степени расколотовой феодализмом, не могли развиваться промышленность и ремесло, торговля и земледелие.

Крестьянство было бессильно сопротивляться грабежу и гнету помещиков и феодально-солдатского государства; трудовые низы городского населения не пользовались никаким влиянием, а верхний, эксплуататорский слой горожан (мещан, бюргеров) был слаб и раболепен.

Но эта «позорная в политическом и социальном отношении эпоха» была, по словам Энгельса, «великой эпохой немецкой литературы»¹, представленной славными именами Лессинга, Гёте, Шиллера и других замечательных писателей.

Нелегким был путь немецкого поэта в те годы. Примером этого может служить жизненная судьба Фридриха Шиллера.

Родители Шиллера были потомками нескольких поколений булочни-

¹ Ф. Энгельс. Положение Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, 1955, стр. 562.

ков. Отец в юности выучился ремеслу цирюльника, потом стал военным фельдшером и дослужился до офицерского чина в войсках Карла-Евгения, герцога Вюртембергского.

Государь этот был типичным представителем немецкого княжеского деспотизма. Кутила и мот, он разорял страну, которой правил с безудержным произволом: непокорных сажал без суда в крепость, торговал солдатами, продавая их целыми полками за границу.

Под старость герцог основал академию, в которой воспитанники проходили курс средней и высшей школы. Детям не разрешалось ни на один час отлучаться домой до окончания этой школы-казармы; свидания с родителями допускались только в присутствии надзирателей, как в тюрьме; воспитанникам внушалось убеждение, что их настоящий отец и благодетель — светлейший герцог. Целью школы было оторвать детей от семьи и сделать ее питомцев дешевыми, послушными и преданными чиновниками, врачами, офицерами. В «Карловой школе» поощрялись доносы, слежка, обыски, цензура над перепиской с родными; учащихся воспитывали в духе верноподданнического раболепия.

Передовая литература, тайно проникавшая в школу, преследовалась начальством, но тем заманчивее казалась она воспитанникам. Шиллер познакомился в академии с произведениями выдающегося немецкого просветителя и драматурга Лессинга, с трудами великих французских просветителей, особенно народолюбца Руссо, с поэтами и драматургами немецкого литературного движения «Бури и натиска», которое вело борьбу против убожества и феодальной отсталости Германии; к «Буре и натиску» приемыкал молодой Гёте — он написал «Гёца фон Берлихингена», «где в драматической форме отдал дань уважения памяти мятежника»¹, а в романе «Страдания юного Вертера» изобразил трагическую безысходность жизни передовой бюргерской молодежи. Шиллер знал и ценил многих других со временных немецких писателей: сентиментального Клопштока, певца древних германских доблестей, и особенно Даниеля Шубарта, прогрессивного поэта и публициста, которого герцог Вюртембергский десять лет продержал в крепости. Очень плодотворным было для Шиллера, как будущего драматурга, его раннее знакомство с Шекспиром.

Передовые взгляды молодого Шиллера выразились в его ранних стихотворениях: «Завоеватель», «Колесница Венеры», «Дурные монархи», «Руссо» и др.

На свою первую трагедию, «Разбойники» (1781), Шиллер смотрел как на произведение остро современное и политическое. «Шиллер в «Разбойниках», — писал Энгельс, — стремился к свободе»²; он изобразил «благород-

¹ Ф. Энгельс. Положение Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, 1955, стр. 562.

² Ф. Энгельс. Письмо Вильгельму Греберу (от 24/V 1839). К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 298.

ство молодого человека, открыто объявившего войну всему обществу»¹. Медик по образованию, Шиллер в эпиграфе на обложке книги обращался к немцам с характерным образным призывом лечить общественные язвы Германии хирургией железа и огня: «Чего не исцеляет лекарство, исцеляет железо; чего не исцеляет железо, исцеляет огонь».

А другой эпиграф к пьесе был не менее энергичным. «На тиранов!» — гласила подпись под львом, готовящимся совершить прыжок. «Разбойничество» Карла Моора является формой протеста против феодального строя; это был порою и в самой жизни один из видов неорганизованной, стихийной борьбы с ним. Юноша-поэт резко, с необычайной для тогдашней немецкой литературы силой и отвагой критиковал современные порядки. Не зная, где и как найти выход, он, однако, ясно указывал цель. Карл Моор говорит: «Поставьте меня во главе войска таких молодцов, как я, и Германия станет республикой, перед которой Рим и Спарта покажутся женскими монастырями». Итак, единство страны и республиканская свобода — вот великая историческая цель немцев; но достигнуть ее, как показывает сам же Шиллер в «Разбойниках», не под силу бунтарям-одиночкам, «бурным гениям» вроде Карла Моора, которого отчаяние толкнуло на путь анархической борьбы с обществом.

Вторую пьесу, «Заговор Фисско в Генуе» (с подзаголовком «республиканская трагедия»), Шиллер написал уже за пределами Вюртемберга, откуда он бежал, так как ему грозило заключение в крепость. В этой пьесе, которая слабее «Разбойников», борьба с тиранией все же представлена более зримо, конкретно, чем там. Здесь выведены три типа правителей-тиранов: гуманный и просвещенный герцог Андреа Дориа; его вероятный наследник Джанеттино, грубый, готовый на любое насилие и злодеяние; и вкрадчивый, обходительный и коварный честолюбец Фисско, присвоивший себе плоды республиканского переворота. В трагедии (особенно в ее последнем, так называемом дрезденском, варианте) возвеличивается образ непреклонного республиканца Веррины.

О третьей пьесе Шиллера («бюргерской трагедии»), «Коварство и любовь», Энгельс сказал, что ее главное достоинство «состоит в том, что это — первая немецкая политически-тенденциозная драма»². Ее герой, Фердинанд (аристократ, как и в первых двух пьесах), выступает в роли заступника простого народа. Но и ему не на кого опереться, так еще слаб и беспомощен этот народ и так дерзки, коварны и беспощадны его угнетатели. Сильная своей любовью к Фердинанду, твердая духом Луиза и та вынуждена, как она говорит, «отречься от союза, который потряс бы основы сословного общества и привел бы к гибели всеобщий вечный порядок». Ее отец, скрипач Миллер, — едва ли не самый народный тип во всей не-

¹ Ф. Энгельс. Положение Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, 1955, стр. 562.

² Ф. Энгельс. Письмо к М. Каутской (от 26/XI 1885). К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма. М., 1947, стр. 395.

медкой драматургии XVIII века. Его подавляет, приводя иногда в трепет, всемогущество отца Фердинанда, но у него уже заметны и порывы протеста. Фердинанд и Луиза гибнут, морально торжествуя над миром жестокого и гнусного феодального произвола, изображенным ярко и беспощадно.

Почти пять лет Шиллер писал свою первую стихотворную трагедию «Дон-Карлос» (1787), идейную основу которой он сам определил так: «Мой долг — изображением инквизиции отомстить за поруганное человечество и обнажить его язвы у позорного столба». Борьба с тиранией церкви сочетается здесь с борьбой против тирании светских властей. В «Карлосе» уже отчетливо выражено намерение драматурга связать свободолюбивые стремления своих героев, выдающихся одиночек-революционеров, с народным движением (восстанием фламандцев против кровавого испанского владычества).

В центре трагедии — образ маркиза Позы, в патетических монологах которого воплощена прекрасная мечта о свободе и справедливости. Вместе с тем трагическая судьба Позы выразительно подчеркивает несбыточность этой мечты. «Век не созрел», — подводит горестный итог своим дерзаниям шиллеровский герой.

В трагедии «Дон-Карлос» наиболее отчетливо проявились особенности художественного метода Шиллера; поэт не ограничивался изображением конфликта между борющимися социальными силами, а стремился прямо передать зрителям свои чувства и мысли, свою передовую просветительскую программу, вкладывая ее в уста главных героев. Говоря словами К. Маркса, Шиллер превращал «индивидуумы в простые рупоры духа времени»¹.

Трагедия «Дон-Карлос» явилась итогом глубоких раздумий поэта, связанных с разочарованием в бунтарстве «Бури и натиска». Маркиз Поза уже не бунтует подобно Карлу Моору или Фердинанду, он ищет других путей осуществления идеала свободы.

Шиллер сам не знает этих путей. После окончания «Дон-Карлоса» он на долгие годы оставляет драматургию и отдается упорным занятиям историей, проявляя особый интерес к широким народным движениям; он занимается философией, теорией искусства, критикой.

Философские труды Шиллера и его работы по теории искусства свидетельствуют о напряженных попытках великого поэта разобраться в противоречиях современности, найти ответ на животрепещущие вопросы века. Нередко он давал ошибочные ответы на эти вопросы. Отвергнув бунтарство ранних лет, он отстаивает теперь программу постепенных мирных реформ. Вместо политической борьбы за права человека он предлагает эстетическое воспитание. Ему кажется, что если будут шире распространяться идеи красоты, идеал которой он видит в искусстве

¹ К. Маркс. Письма Ф. Лассалю (от 19/IV 1859). К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 112.

древней Греции, то постепенно начнут смягчаться нравы и в конце концов разум восторжествует над неразумием и варварством.

Переехав в Веймар, тогдашнюю «литературную столицу» Германии, он сближается с великим поэтом-реалистом Гёте. Они вместе ведут бой против современного литературного убожества (эпиграммы обоим — «Ксении»); оба поэта соревнуются в сочинении знаменитых баллад (у Шиллера, например, «Перчатка», «Кубок», «Ивиковы журавли», «Поликратов перстень» и др.). Постоянно поощряемый своим старшим другом, Шиллер возвращается к драматургии. В 1799 году выходит его историческая трилогия из времен Тридцатилетней войны о полководце Валленштейне: «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна»; это важный этап на пути овладения Шиллером реалистическим методом познания и отображения исторической действительности. Здесь драматург обратился к столь жгучей для его времени теме объединения Германии. Вдумчивый, проникновенный историк, он показал в своей трилогии, какое влияние на исторические события имеют массы. Индивидуалистическая попытка полководца Валленштейна решить эту проблему путем изолированного от народа военного мятежа оказалась авантюрой, той «трагической виной», которая приводит к гибели этого крупного государственного деятеля, изображенного во всем своеобразии его гениальной натуры.

В 1800 году Шиллер закончил «Марию Стюарт». В героине этой трагедии Шиллер видит жертву лицемерной монархической тирании; это первая пьеса Шиллера без лирического героя — в той или иной мере рупор идей автора. А затем следуют (исключая «Мессинскую невесту», написанную в духе античной трагедии) три пьесы на тему национально-освободительной борьбы: французов в Столетнюю войну (1337—1453) — это «Орлеанская дева»; швейцарцев в начале XIV века — это «Вильгельм Телль»; русских в так называемое Смутное время — это незаконченная за смертью поэта трагедия о первом Лжедмитрии.

В «Орлеанской деве» Шиллер прославил подвиг французской национальной героини Жанны д'Арк. Когда Франция была разбита в вековой борьбе с англичанами, а высшие сословия пошли на сговор с врагом и сам король готов был прекратить борьбу, Францию спасла юная пастушка. Она вступает в борьбу как живой символ народа, одушевленная религиозным чувством; но сам народ в пьесе дан только как пассивный исторический фон для почти сверхъестественного подвига героини — недостаток, чуждый последней законченной пьесе Шиллера «Вильгельм Телль».

II

Сюжет «Вильгельма Телля» основывается на народной швейцарской легенде. Она сложилась в XIV веке на материале существующих у многих народов сказаний о метком стрелке. С именем Телля швейцарцы связали

свое освобождение от австрийского ига и образование союза общинных государств, кантонов. Телль стал легендарным поборником национальной свободы швейцарцев. С тех пор целыми столетиями народ в песнях и рассказах, в играх и сценических представлениях прославлял своего героя. А в конце XVIII века имя Телля произносилось в Швейцарии, Франции, Германии наряду с именем Брута, борца за древний республиканский Рим, излюбленного героя революционной драматургии, которого воспевал и Шиллер.

За годы жизни поэта многое переменялось в Германии и Европе. За Рейном, во Франции, произошла революция. Революционная война молодой французской республики вскоре сменилась завоевательными походами Наполеона, войска которого уже оккупировали германские земли.

Шиллер взволнованно писал в стихотворении «Начало нового века» (1801):

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век¹.

Исторические события последних лет жизни Шиллера (он умер в 1805 году) нашли отражение и в последней его законченной драме «Вильгельм Телль». Давняя шиллеровская тема свободы зазвучала здесь как тема борьбы за национальную свободу и независимость.

В «Вильгельме Телле» Шиллер так ярко изобразил природу и быт Швейцарии, борьбу маленького народа за свою, суровую, горную страну, что некоторые историки литературы считают «Телля» чудом творческого воплощения в драматической форме чужого, крайне своеобразного и притом отдаленного мира. Совершенно необычную для драматического произведения роль играет в этой народно-героической пьесе пейзаж страны; пейзаж здесь именно «играет роль», равноправную с первостепенными действующими лицами, и по выражению Шиллера, «входит в круг живых».

Пейзаж «Телля» не только дает фон всему действию. Исполнивший, героический характер природы как бы увеличивает масштабы действующих лиц, придает иные пропорции их деяниям, налагает на все отпечаток своего величия и суровой простоты. Гордым гимном красоте родного края, созидательному народному труду, призывом к человеческому и гражданскому достоинству каждого, возмущением дерзостью насильников, грозным требованием обуздать их звучат полные спокойной силы слова Штауффахера на Рютли, этой лесной поляне в горах, ставшей колыбелью швейцарской свободы.

Настоящий герой этой драмы — народ, вся масса трудового населения страны. Изображая представителей всевозможных профессий, драматург всюду подчеркивает их типические для всего народа черты — простоту,

¹ Перевод В. Курочкина.

прямоту, честность. Тщательная разработка массовых сцен в «Телле» — свидетельство исключительного мастерства Шиллера.

Но драматург-историк не грешит чрезмерной идеализацией этого народа. Он правдиво подчеркивает патриархальную ограниченность, историческую узость общественного и хозяйственного уклада жизни тогдашних швейцарских крестьян, всего их косного мировоззрения. Но тем разительнее, что даже их мысль, скованная духом времени, доходит до провозглашения права народа на восстание, до признания необходимости и законности политического убийства в целях защиты естественных, неотчуждаемых прав всего народа и отдельной личности. Драматург разворачивает перед нами одну за другой картины произвола и насилия чужеземцев, а затем показывает нам, как этот долготерпеливый народ отвечает всеобщим восстанием на гнет, ставший невыносимым; отдельные ручейки недовольства сливаются в грозный, стремительный поток, который все сметает на своем пути.

Три вождя восстания — Мельхталь, Вальтер Фюрст и Штауффахер — выступают как представители трех поколений: юноша, старик и зрелый муж. Характеры их, не отличаясь сложностью (она несвойственна и другим действующим лицам в «Телле»), определяются типическими возрастными различиями, от которых в основном и зависит отношение каждого из этих лиц к событиям. Мельхталь пылок и отважен, он легко воспламеняется, быстро решается на крайности. В противоположность ему Фюрст осторожен, медлителен и консервативен — он то и дело ссылается на старину. Зрелым, уравновешенным мужем, в расцвете физических и духовных сил, предстает перед нами Штауффахер, который и становится настоящим вождем восстания.

Телль не приходит на Рютли, потому что он — муж дела, а не совета; на эту основную черту его характера указывал Чернышевский: «Умный человек не ввязывается в дела, пока не стоит в них ввязываться; он держится в стороне и молчит, если достает у него твердости характера на выжидающую роль... Очень хорошо уловлена Шиллером эта черта исторической жизни в первых сценах «Вильгельма Телля». Стоят и толкуют между собой люди о своих делах. Но делать им еще нечего, и Вильгельма Телля нет между ними... и не слышен его голос в разговорах толпы о делах Швейцарии. Но вот надобно сделать дело (спасти Баумгартена. — Н. С.); не решается никто из почтенных патриотов, рассуждавших о благе отечества. Тут бог знает откуда появляется Вильгельм Телль, спрашивает, где лодка, и спасает человека, который через минуту погиб бы, если бы не увез его Телль»¹. В разговоре со Штауффахером (действие первое, сцена третья) Телль отказывается от участия в заговоре, но, когда тот спросил его в упор: «Что ж, родине на вас надежды нет?» — он в полном соответствии со своим характером ответил:

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 833.

Телль выручит из пропасти ягненка, —
Так разве он друзей в беде покинет?
Но вы не ждите от меня совета:
Я не умею помогать словами.
А делом захотите вы ответа,
Зовите Телля — он пойдет за вами.

Телль и жене своей, упрекнувшей его в том, что он заодно с заговорщиками Рютли, ответил:

Я не был там... Но, если кликнет клич
Моя страна, я ей не изменю.

А решившись убить Геслера, он отвечает рыбаку (действие четвертое, сцена первая), спросившему его: «Но цель у вас какая впереди?» — «Что вам слова, — услышите о деле».

Телль при всей своей исключительности изображен обыденным человеком, без нарочитой героической приподнятости над толпой, народом. Бесхитростный и несколько беспечный, он порой даже слишком покладист, до самоуничижения, например — при объяснении с ландфохтом (действие третье, картина третья). Драматург подчеркивает эту покладистость в характере Телля и вообще долготерпение народа, чтобы возможно тщательнее мотивировать в глазах тогдашнего немецкого зрителя, с его слабо развитыми гражданскими чувствами, настоятельную необходимость восстания: все средства исчерпаны, вплоть до унижительной готовности подчиниться самодурству наместника, но ничто не может избавить народ от все возрастающего бремени гнета; выбора нет, остается борьба.

Свободолюбивому, простому и отзывчивому альпийскому охотнику Теллю, отважному сыну неиспорченного цивилизацией народа, резко противопоставлен Геслер, наместник императора в крае, угодливый исполнитель захватнических замыслов Австрии. Достигнув власти, этот честолюбивый, готовый на любое злодеяние, скупой и расчетливый хищник тянется еще и к богатству, грабя народ и добиваясь женитьбы на богатой дворянке Берте фон Брунек. В борьбе против коварства и силы Телль вынужден убить лютого деспота. Он сделал это, уступив крайней необходимости и защищая не только себя и своих родных, но и весь свой народ, свою суровую и прекрасную родину, ее законы и обычаи, ее старинные вольности и права, щедро оплаченные кровью предков.

Жена Телля — это нежно любящая мать, женщина, вечно озабоченная судьбою своего отважного мужа. Для нее характерны какая-то горечь в душе, вероятное следствие постоянных тревог, и легкая душевная возбудимость. События пробуждают и в ней гражданский дух, но это скорее плод ее восторженного удивления перед подвигом Телля; нетерпеливо ожидая его возвращения домой, она с гордостью называет его спасителем страны. Когда мы встречаемся с нею впервые (начало третьего действия), ее тревожит не только беспечность Телля; она с горечью убеждается, что

ее старший сын понемногу уже отрывается от нее и начинает, пока еще вместе с отцом, ходить по узким и обрывистым тропинкам жизни. Вальтер Телль весь в отца. В его прекрасной песенке выражается восторженное удивление перед такими горными орлами, как Вильгельм Телль. А тот, свободный крестьянин, воспитывает в сыне отвращение к феодальным порядкам, отравившим труженикам жизнь на цветущих, привольных равнинах соседней Германии: те, кто возделывает там землю, не пользуются жатвой, потому что вся немецкая земля принадлежит феодалам и церкви; в лесах могут охотиться только господа; никто не вправе свободно ловить рыбу, добывать соль; и никто не смеет взяться там за оружие, чтобы защитить себя, потому что «сосед соседу там не доверяет». Мальчик воспитывается как свободное существо, и, когда приходит час сурового испытания, он, еще ребенок, оказывается на высоте положения. Глумление фохта над отцом вызывает в нем глубокое гневное возмущение:

...неужто испугаюсь
Стрелы отца, что полетит в меня?
Я буду ждать и глазом не моргну.
Узнает он, какой стрелок отец!
Не верит изверг, погубить нас хочет...
Назло ему стреляй и попади!

Мальчик не дает привязать себя к липе, не позволяет наложить себе повязку на глаза. Так воспитывается в духе отцовских доблестей юное поколение, которое, возмужав, не посрамит отцов и предков и будет громить и громить многочисленных и грозных врагов своего маленького горного края.

Помимо жены Телля, есть в этой драме еще несколько женских образов. Под стать Штауффахеру его жена, Гертруда, благородная и возвышенно мыслящая женщина. Домовитая, рачительная и гостеприимная хозяйка, она не ограничила свой кругозор узкими интересами домашней жизни и отстаивает не только личные блага и честь домашнего очага. Благодаря полученному в доме отца здоровому патристическому воспитанию скромная и вдумчивая девушка развилась в проницательную женщину-гражданку, достойную дочь своего свободолюбивого народа. В лице этой полной чувства человеческого достоинства свободной крестьянки Шиллер создал необычайный для его времени образ политически мыслящей женщины из народа, плебейский вариант Порции, жены Брута из «Юлия Цезаря» Шекспира.

Беднота представлена Армгардой. Шиллер наделил этот образ большой энергией, достигающей величайшего напряжения в ее потрясающем отчаянии. Неукротимая духом, она требует у Геслера скорого и справедливого суда над ее мужем, томящимся в тюрьме. А когда тиран убит, Армгарда, беспощадная в своей ненависти к угнетателю страны, высоко поднимает своего ребенка и произносит: «Смотри, дитя, как умирает изверг!»

Роль Гертруды Штауффахер, ограниченную только одной сценой, в известном смысле дополняет Берта фон Брунек; если та — жена-вдохновительница, то здесь вдохновляет и зовет на подвиг невеста. Очевидно, Шиллеру казался особенно привлекательным образ женщины, которая была бы на уровне духовных и гражданских интересов эпохи; но подлинного драматического развития оба эти образа, Гертруды и Берты, не получили. Берта, как и ее жених Руденц, принадлежит к числу самых слабых образов у Шиллера. Руденц стыдится, что принадлежит к местной «мужицкой знати». Он чурается простого народа и, в расчете получить руку австрийской дворянки Берты, все владения которой находятся в Швейцарии, держит сторону Австрии. Руденц принадлежит к «золотой молодежи» швейцарского дворянства, которая деморализована чужеземным влиянием и легко становится на путь измены родной стране. Поведение Руденца вызывает негодование в его дяде, бароне Аттинггаузене, достойном человеке, швейцарце родом и душой. Глубский старик, он всегда с народом, пьет круговую чашу со своими работниками и сидит на одной скамье с его старейшинами, к которым и сам по заслугам принадлежит. Аттинггаузен — идеализированный образ патриархального дворянина. Тщетно пытается он совлечь Руденца с пути измены родине. Что не удастся старику, того легко добивается Берта — ей стоило только поманить Руденца, как он тотчас же изменяет своим убеждениям, которые с таким упрямством и с таким пренебрежением к благородному заступнику народа Аттинггаузену отстаивал перед самой встречей с нею. Несомненно, такой возлюбленный принижает в сознании читателя и зрителя образ самой Берты как любящей женщины. Притом ее свободолюбивые заявления, неожиданные даже для ее жениха, не вызывают и в нас особого доверия. Впрочем, Берта — до известной степени рупор идей самого Шиллера. Например, когда она говорит Руденцу, что он, дворянин, только величием благородных деяний (а не гербом предков) может заслужить народную любовь и только тогда она будет считать его «первым среди равных и свободных», здесь явственно звучит лозунг Первой французской революции: «Свобода, Равенство и Братство».

Гуманист и демократ, последователь Руссо, Шиллер в 1789 году приветствовал Великую французскую революцию, как ее приветствовали и многие другие представители тогдашней немецкой передовой интеллигенции. Французский революционный Конвент наградил в 1792 году автора «Разбойников» почетным званием гражданина Французской республики. Шиллер принял это высокое звание. Но он отшатнулся от революционного террора, он не понимал необходимости крупнейших «исторических издержек» при переходе от одного общественного строя к другому, неизбежности тяжелых жертв. Идея свободы продолжала жить в произведениях Шиллера, но он напряженно старался отыскать путь, который может привести к свободе мирным способом. Его опыт историка, написавшего книгу о Нидерландской революции XVI века, его опыт современника величайшей

из буржуазных революций на земле подсказывал ему, что реально такого пути нет. В последнее пятилетие жизни у него заметно усилился интерес к переломным эпохам в истории, к их коллективным движущим силам, которые он увидал в широких народных движениях. Шиллер изучает народные характеры и вводит в свои пьесы героев-простолюдинов, которые борются за освобождение родины и за ее объединение силами самого народа (в «Вильгельме Телле» — за народное государство). Народ, его материальное и духовное процветание, его свобода и независимость — вот что больше всего занимало Шиллера в последние годы его жизни, особенно в его последней законченной драме «Вильгельм Телль».

Не сочувствуя якобинским методам революционного переустройства общества, Шиллер вместе с тем утверждает идею исторического прогресса, под несомненным влиянием французской революции показывает неизбежность крушения старого феодального мира.

Когда Шиллер еще только приступал к работе над «Вильгельмом Теллем», он говорил что, «изобразив такой ограниченный мир, следовало бы из этой узости местного, характерного, бросить взгляд на дальнейшие перспективы развития человеческого рода». Эти слова — ключ к пониманию его народно-герсической драмы. Изобразив победу крестьянской демократии в средневековой Швейцарии, драматург, так настойчиво подчеркивавший ее ограниченный, охранительный характер, отнюдь не зовет остановиться на достигнутом. В символической сцене кончины Аттинггаузена он поет отходную старой Швейцарии, где только наличие значительного слоя свободного крестьянства сдерживало феодальный произвол. Аттинггаузен возлагает руки на голову крестьянского мальчика Вальтера Телля и говорит:

От головы, где яблоко лежало,
Свет новой, лучшей вольности взойдет;
Уходит старое — не то уж время,
Среди развалин снова жизнь цветет.

Уже совершенно состарившийся, восьмидесятипятилетний дворянин, умирая, связывает с юным крестьянским поколением свои надежды на свободу, лучшую, чем та, за которую еще борется старшее поколение. В этом отношении символично и отсутствие Руденца при этой сцене благословения юного Вальтера на грядущие исторические подвиги. Ведь в предсмертной речи Аттинггаузена, этого «последнего могикана» патриархального дворянства, содержится признание, что дворянство уже сыграло свою историческую роль, и слышится призыв добровольно сойти с исторической сцены:

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда ему мы больше не нужны,
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впредь
К величю народы поведут.

Последний завет умирающего Аттинггаузена народу — единство:

Держитесь вместе... крепко, нерушимо...
Свобода одного — свобода всех.
Дозоры на вершинах гор поставьте,
Друг другу помогайте. И да будет
Союз ваш век... един... един... един...

В финале пьесы дворяне — Берта и Руденц — освобождают крестьян и сливаются с победившим народом, выполняя таким образом завет Аттинггаузена. В этом несомненно находит отражение иллюзия мирного разрешения социальных противоречий.

Финал драмы патетичен. Из сотен грудей вырывается единодушный ликующий возглас: «Свобода, свобода, свобода!» Апофеоз стрелка Вильгельма Телля становится апофеозом свободы и демократии, апофеозом народа, единого, не знающего социальных противоречий, апофеозом народных масс, победивших во имя свободы родины. Шиллеру был известен действительный путь исторического развития крестьянской демократии Швейцарии к вполне буржуазному государству. Но, рисуя с огромным сочувствием победу крестьянской демократии, он через голову и дворянства и буржуазии заглядывает в далекие просторы необъятной исторической равнины, всматривается в судьбы развития человечества.

Так драматическая легенда Шиллера, вся овеянная духом плебейского демократизма, обращена и к прошлому — к крестьянской демократии, к народным движениям средневековья и к демократии будущего.

Н. Славятинский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герман Геслер, имперский наместник (ландфохт, фохт)
в Швице и в Ури.

Вернер фон Аттинггаузен, владетельный барон.

Ульрих фон Руденц, его племянник.

Вернер Штауффахер

Конрад Гунн

Итель Рединг

Ганс Мауер

Иорг Гоф

Ульрих Шмид

Иост Вайлер

поселяне из Швица.

Вальтер Фюрст

Вильгельм Телль

Рёссельман, священник

Петерман, псаломщик

Куони, пастух

Верни, охотник

Руоди, рыбак

поселяне из Ури.

Арнольд Мельхталъ

Конрад Баумгартен

Майер Сарнен

Струт Винкельрид

Клаус Флюе

Буркгарт Бюгель

Арнольд Сева

поселяне из Унтервальдена.

Пфайфер из Люцерна.

Кунц из Герзау.

Енни, мальчик рыбак.

Сеппи, подпасок.

Гертруда, жена Штауффахера.

Гедвига, жена Телля, дочь Фюрста.

Берта фон Брунек, богатая наследница.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Высокий скалистый берег озера Четырех Лесных Кантонов *¹ напротив Швица.

Озеро образует бухту. Недалеко от берега стоит хижина. Мальчик рыбак плывет в челноке. На другой стороне озера видны ярко освещенные солнцем лужайки, деревни и одинокие усадьбы Швина. Слева от зрителя вырисовываются сквозь облака острые зубцы Гакена *; справа, в глубине сцены, виднеются снежные горы. Еще до поднятия занавеса слышны звуки швейцарской пастушеской песни и мелодичный перезвон колокольчиков, который продолжается некоторое время и после поднятия занавеса.

Мальчик рыбак

(поет в челноке; напев швейцарской пастушеской песни)

На озеро манит купанья отрада,
Уснувшего юношу нежит прохлада.

¹ Слова и выражения, помеченные звездочкой, объяснены в конце книги, стр. 168.

Армгарда	}	крестьянки.
Мехтгильда		
Эльсбета		
Гильдегарда		
Вальтер	}	сыновья Телля.
Вильгельм		
Фрисгард	}	наемные пехотинцы.
Лейтхольд		

Рудольф Гаррас, конюший Геслера.
 Иоганн Паррицида, герцог Швабский.
 Штюсси, полевой сторож.
 Трубач кантона Ури.
 Имперский гонец.
 Надсмотрщик.
 Мастер-каменотес; подмастерья и чернора-
 бочие.
 Глашатай.
 Братья милосердия.
 Рейтары — конная стража ландфохтов Геслера и Ланден-
 берга.
 Поселяне и поселянки из лесных кантонов,

И звуки свирели
Он слышит сквозь сон,
Он ангельски нежною
Песней пленен.
Проснулся, блаженства, веселия полный,
А возле играют и пенятся волны.
И вкрадчивый голос
Влечет за собой:
«Бросайся в пучину,
Будь вечно со мной!»

П а с т у х

(на горé; вариация того же напева)

Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе:
Ах, лето прошло!
Пора нам в долины... Увидимся снова,
Когда все очнется от сна ледяного
И голос кукушки в лесу зазвучит,
Цветы запестреют, родник зажурчит.
Прощайте, луга,
Багряные зори!
Разлука нам — горе.
Ах, лето прошло!

А л ь п и й с к и й о х о т н и к

*(появляется на вершине противоположной скалы; вторая
вариация)*

Гремит и грохочет лавина в горах,
Стрелок не робеет на скользких тропах:
Он дерзко шагает
Средь снега, средь льдов,
Где весен не знают,
Не знают цветов.
Внизу разостлалась туманов гряда,
И гордые тонут под ней города.
И только в минутные
Тучек разрывы
Мелькают зеленые
Рощи да нивы.

Местность принимает другой вид; глухой грохот слышен в горах; тени
облаков пробегают по земле.

Руоди, рыбак, выходит из хижинь, Верни, охотник, спускается со скалы. Куони, пастух, идет с подойником на плече; Сеппи, подпасок, следует за ним.

Руоди

Живей, мой мальчик! Вытащи челнок!
Седой дух бурь идет. Гремит лавина.
Накрылся Митен шапкой облаков,
И холодом пахнуло из ущелий.
Гроза вот-вот над нами разразится.

Куони

Да, быть дождю, рыбак. Вон овцы жадно
Едят траву, и роет землю пёс.

Верни

А рыба так и плещет, и лысуха *
Нет-нет нырнет. О, это перед бурей!

Куони

(подпаску)

Смотри, чтоб скот не разбредался, Сеппи.

Сеппи

Я бурой Лизель слышу колокольчик.

Куони

Ну, значит, все — она идет последней.

Руоди

Приятен, право, этот перезвон!

Верни

И скот хорош!.. А что, земляк, он ваш?

Куони

Вот богача нашли!.. Хозяин стада —
Мой господин, барон фон Атtingгаузен.

Руоди

Ах, до чего корову лента красит!

Куони

Она горда, что стадо все ведет;
А ленту снять — она и есть не станет.

Руо ди

Да это вздор! Бессмысленная тварь...

Вер ни

Ну, как сказать! Есть у животных разум.
Мы, к сернам подбираясь, примечаем:
Везде, где им пастись ни доведется,
Одна всегда у них настороже;
Чуть подошел — уж подняла тревогу.

Руо ди
(пастуху).

Так вы домой?

Куо ни

На пастбищах нет корму.

Вер ни

Счастливого пути!

Куо ни

И вам того же.
С гор вы не все приходите домой.

Руо ди

Вон человек бежит к нам что есть мочи.

Вер ни

Из Альцельна он; это ведь Баумгартен.
Конрад Баумгартен вбегает запыхавшись.

Баумгартен

О, ради бога, перевозчик, лодку!

Руо ди

Да что ж вы так торопитесь?

Баумгартен

Беда!

Мне смерть грозит! Скорей перевезите!

Куо ни

В чем дело, друг?

Верни

Кто гонится за вами?

Баумгартен

(рыбаку)

Скорей, скорей, за мною скачут следом!
Ландфохта люди мчатся по пятам,
И, если схватят, гибель неизбежна.

Руоди

Чего ж за вами мчатся верховые?

Баумгартен

Спасите! Я потом все расскажу.

Верни

Но вы в крови! Что за беда случилась?

Баумгартен

Я коменданта крепости австрийской...

Куони

Так *Вольфеншиссен* гонится за вами?

Баумгартен

Нет, он безвреден — я его убил.

Все

(отшатнувшись)

Зачем вы это сделали? О боже!

Баумгартен

Затем, что я свободный человек!
Я только право отстоял свое —
Жену и дом избавил от позора.

Куони

Над честью вашей надругался он?

Баумгартен

Я преступлению не дал совершиться,
И сам господь направил мой топор.

Верни

Вы топором его по голове?..

Куони

О, расскажите нам, пока рыбак
От берега отвязывает лодку.

Баумгартен

Я был в лесу, рубил дрова. Гляжу —
Моя жена бежит в смертельном страхе.
К нам в дом явился этот Вольфеншиссен.
Он приказал ей баню затопить
И домогаться стал ее любви.
Но, вырвавшись, она скорей ко мне!
Тут я бегом домой — и топором
По голове благословил злодея.

Верни

Вы правы. Вас никто не обвинит.

Куони

Ах, изверг! Поделом ему награда
За весь народ кантона Унтервальден!

Баумгартен

Наместник наш послал за мной погоню...
Мне дорог миг... а мы всё говорим!..

Слышен гром.

Куони

Живей, рыбак, его перевези!

Руоди

Нет, поздно ехать: началась гроза.
Придется переждать.

Баумгартен

Великий боже!

Нельзя мне ждать. Ведь промедленье — гибель...

Куони

(рыбаку)

Владеет смелым бог! Твой долг — помочь.
Стрястись беда могла б такая с каждым.

Бушуют волны. Гром.

Руо ди

Поднялся вихрь, вздымается прибой.
Не справиться мне с бурей и волнами.

Баумгартен

(обнимает его колени)

Господь воздаст вам, сжалятесь надо мною!

Верни

Будь милосерден. Жизнь ему спаси!

Куони

Семейство у него: жена и дети!

Снова удары грома.

Руо ди

И мне придется жизнь свою сгубить,
И у меня в дому жена и дети...
Бушуют волны, яростен прибой,
Водоворот до дна взбурлил пучину...
Он честен, смел; я рад его спасти;
Судите сами — это невозможно.

Баумгартен

(все еще на коленях)

И мне попасть во вражеские руки,
Когда так близок берег избавленья!
Как на ладони он передо мною,
Мой голос долетает до него,
А этот челн — он словно ждал меня,
Но я молю о помощи напрасно!

Куони

Смотрите, кто идет!

Верни

Да это Телль!

Вхсдиг Телль с луком-самострелом.

Телль

Кто он такой? О чем его он молит?

Куони

Из Альцельна он. Честь свою спасая,
Он в гневе Вольфеншиссена убил,
Что возглавлял австрийский замок Росберг...
За ним погоня мчится по пятам.
Он молит рыбака о переправе,
Но тот боится в эту бурю плыть.

Руоди

Пред вами Телль; веслом и он владеет.
Телль подтвердит: бессмысленно дерзать!

Телль

Дерзай, когда опасность за плечами!

Сильные удары грома; на озере волнение.

Руоди

Мне ринуться туда, в крошечный ад?
Нет, я еще рассудка не лишился.

Телль

Будь молодцом, не думай о себе.
Спасай его, перед тобой — гонимый!

Руоди

Вы мастера учить на берегу.
Вон озеро, вон лодка — сам попробуй!

Телль

Скорей пучина сжалится — не фохт.
Берись, гребец!

Пастухи и охотники

Спаси! Спаси! Спаси!

Руоди

Будь он мне брат, мое дитя родное —
Я не дерзну в день Симона-Иуды... *
Ведь озеро сегодня алчет жертв.

Телль

Пустою речью делу не помочь.
Поторопись, ждет помощи бедняга...
Что ж, лодочник, поедешь?

Руоди

Ни за что!

Телль

Так с нами бог! Ты лодку мне доверь.
Попробую, коль сил моих достанет.

Куони

Ну и храбрец!

Верни

Охотника видать!

Баумгартен

От смерти вы меня спасете, Телль!

Телль

Быть может, я спасу вас от ландфохта.
Обоих нас другой спасет в грозе —
И лучше вам отдаться воле божьей,
А не людской.

(Пастуху.)

Земляк, утешь семью,
Когда меня удел земной постигнет.
Я делаю, что мне велит мой долг.

(Прыгает в лодку.)

Куони

(рыбаку)

Вы рулевой на славу. Отчего же,
Где Телль посмел, *вы* не могли решиться?

Руоди

Получше есть, и те бы отступили.
У нас в горах другого Телля нет.

Верни

(взобравшись на утес)

Отчалил он. Вперед, пловец отважный!..
Смотри, как лодка пляшет по волнам.

Куони

(на берегу)

Вот за волной пропал из глаз... А вот
Мелькнул опять... О храбрый, как он мощно
Средь бурных волн прокладывает путь!

Сеппи

Глядите, скачут конники ландфохта!

Куони

И впрямь они! Ну, в пору Телль помог!
Отряд конной стражи имперского наместника Ланденберга.

Первый рейтар

Вы спрятали убийцу! Где он? Живо!

Второй рейтар

Он где-то здесь. Не скроете его!

Куони и Руоди

Кого вам, стражник?

Первый рейтар

(заметив челнок)

Черт возьми, да вот он!

Верни

(сверху)

Не тот ли в челноке, кого вам надо?..
Скачите! Вы настигнете его.

Второй

Проклятие! Он ускользнул!

Первый
(пастуху и рыбаку)

Но вы,
Кто помогал, поплатитесь за это!..
Угнать их скот! Сжечь хижину дотла!

Скачут прочь.

Сеппи
(бросаясь за ними)

Мои ягнята!

Куони
(следуя за ним)

О, мои стада!

Верни
Вот изверги!

Руоди
(ломая руки)

О боже правосудный!..
Моя отчизна, кто тебя спасет?

(Уходит за ними.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

В Штайнене. Кантон Швиц.
Липа перед домом Штауффахера у большой проезжей дороги, подле моста.
Вернер Штауффахер и Пфайфер из Люцерна входят,
разговаривая.

Пфайфер

Я повторяю вам, мой друг Штауффахер:
Не присягайте Австрии*. Держитесь
Свободного имперского союза.
И вольность Швица да хранит господь!

(С чувством пожимает ему руку и хочет уйти.)

Штауффахер

Останьтесь же. Вот-вот придет хозяйка!..
Вы гость мой в Швице, в Люцерне — я ваш.

П ф а й ф е р

Спасибо, друг! Мне уходить пора...
До времени снесите ж терпеливо
Надменность ваших фохтов, жадность их.
Быть может, после Альбрехта другой —
Не Габсбург! — избран будет император.
А с Австрией — *вы* Габсбургов рабы!

(Уходит.)

Штауффахер в задумчивости садится на скамью под липой. В этом положении его застаёт жена его, Гертруда. Она останавливается перед ним и некоторое время молча на него смотрит.

Г е р т р у д а

Ты мрачен, друг? Не узнаю тебя.
Я день за днем, мой Вернер, наблюдаю,
Как бороздит твой лоб немая скорбь
И гложет сердце тайная забота.
Откройся мне. Как верная жена,
Я разделить твою печаль готова.

Штауффахер молча пожимает ей руку.

Скажи мне, что на сердце у тебя?
Благословен твой труд, все процветает,
Полны амбары, а рогатый скот
И сильные, упитанные кони
Приведены благополучно с гор
На долгое покойное зимовье.
Твой дом, смотри, — как замок, он богат;
Он выстроен из мачтового леса,
Красив и прочен, всем на загляденье.
Приветливо сверкают окна в нем;
Он пестрыми гербами изукрашен
И надписями мудрыми, — и все
Дивятся им, читая мимоходом.

Ш т а у ф ф а х е р

Да, правда, выстроен на славу дом,
Но знай... под ним непрочно основание.

Г е р т р у д а

Скажи, мой Вернер, как тебя понягь?

Штауффахер

Под этой липой я сидел недавно,
Трудами рук своих я любовался.
Вот вижу — едет со своим отрядом
Ландфоxt наш Геслер. Перед этим домом
Остановился в удивленье он.
Как подобает, я тотчас покорно
Навстречу выступил тому, кто в крае
Блюдет верховный государев суд.
«Чей это дом?» — спросил коварно он;
А сам отлично знал. Я эго понял
И отвечал: «Дом этот, ваша милость,
Принадлежит властителю страны
И вам, а мне он в пользование дан». —
«Я императора наместник в крае, —
Сказал он, — и не потерплю, чтоб тут
Дома крестьянин строил самовольно
И жил свободно, словно господин.
Уж я сумею с вами совладать».
Сказал — и прочь уехал он надменно,
А я в тревоге стал наедине
Обдумывать зловещие угрозы.

Гертруда

Мой милый муж и господин! Услышать
Не хочешь ли жены прямое слово?
Горжусь я тем, что Иберг мой отец, —
Он мудр был, многоопытен. Мы, сестры,
Бывало, ночь за прялкой коротали,
Когда к отцу старейшины народа
Сходились, чтобы грамоты читать
Властителей былых и поразмыслить
О благе родины в беседе мудрой.
С вниманием прислушивалась я
К речам их умным, к добрым пожеланьям
И, как завет, в душе все сберегла.
Ты терпеливо выслушай меня.
Давно я знаю, что тебя гнетет:
Ландфоxt нам враг, он сжил бы нас со свету.
Тебя готов он обвинить, что Швиц
Не хочет власти герцогов австрийских,
Но остается верен, как и встарь,
Великому имперскому союзу...
Не так ли, Вернер? Я ведь не ошиблась!

Штауффахер

Конечно, Геслер злобится за это.

Гертруда

Ландфохт тебе завидует, что ты
Свободен, счастлив на своем наследье,
Какого он лишен. Сам император
И государство дали в лен тебе
Дом этот, им гордишься ты по праву,
Как князь имперский землями своими.
Нет над тобой властителя другого —
Лишь высший в целом христианском мире.
А Геслер — самый младший сын в роду,
Плащ рыцаря — вот все, чем он владеет;
И потому на честных поселян
Косится он с язвительною злобой.
Тебя давно он погубить поклялся,
Ты невредим еще, — так неужели
Ты должен ждать коварного удара?
Кто мудр — умеи предвидеть.

Штауффахер

Что ж нам делать?

Гертруда

(подойдя ближе)

Вот мой тебе совет! У нас, ты знаешь,
Давно в народе ропщут на насилье
Жестокого и жадного ландфохта.
Не сомневайся, Вернер, — у соседей,
В кантонах Унтервальдене и в Ури,
Народ устал от тяжкого ярма...
Ведь Ланденберг, как Геслер в нашем Швице,
За озером бесчинствует свирепо...
Любой рыбацкий челн с той стороны
Приходит к нам с вестями о глумленьях
И о злодействах фохтов-чужеземцев.
Я полагаю, было б хорошо
Совет держать вам всем, кто честно мыслит,
Как это иго сбросить навсегда.
Убеждена, господь вас не оставит,
Он в правом деле — щит вам и оплот.

Скажи, нет в Ури друга у тебя,
Которому открыть ты мог бы душу?

Штауффахер

Крестьян достойных много там я знаю
И видных, уважаемых дворян.
Друг другу мы взаимно доверяем.

(Встает.)

Жена, каких ужасных мыслей вихрь
Ты подняла в груди моей спокойной!
Тайник души открыла свету дня.
И то, о чем и думать не дерзал я,
Без колебання высказала ты.
Но взвешен ли, как должно, твой совет?
Ты дикие раздоры, звон мечей
Зовешь на эти мирные долины...
Как! Слабое пастушеское племя
Дерзнет на бой с властителем вселенной?
Предлог им только благовидный нужен,
Чтоб двинуть на злосчастную страну
Наемников неистовые орды.
Знай, правом победителя прикрывшись,
Они под видом справедливой кары
Покончат с нашей вольностью старинной.

Гертруда

Ведь *вы* мужи! Так действуйте секирой —
Отважным помогает сам господь!

Штауффахер

Жена! Неистов, грозен бич войны,
Он смерть сулит и пастуху и стаду.

Гертруда

Сносить нам должно то, что бог послал.
В ком честь жива, не вынесет неправды.

Штауффахер

Наш новый дом так радует тебя...
Война сожжет его до основанья.

Гертруда

Есть блага выше крова и двора,
И ради них я сжечь свой дом готова.

Штауффахер

Ты веришь в человечность. Но война
Не пощадит младенца в колыбели.

Гертруда

Невинности защита есть на небе!
Смотри вперед, мой Вернер, не назад!

Штауффахер

Мужи падут, за родину сражаясь,
Но, жены, вас какая ждет судьба?

Гертруда

Последний выбор каждому оставлен:
Прыжок с моста меня освободит!

Штауффахер

(бросаясь в ее объятия)

Тот, кто обнять такого друга может,
Сразится радостно за свой очаг,
И никакой король ему не страшен!
Иду немедля в Ури, у меня
Есть верный друг там, старый Вальтер Фюрст.
Всегда мы сходных мыслей с ним держались.
Вблизи него живет фон Аттингаузен.
Он, правда, знатный рыцарь, но он верен
Народу и обычаям его.
Я с ними посоветуюсь о том,
Как родины врага нам сокрушить...
Прощай, жена! До моего прихода
Тебе одной заботиться о доме.
Паломника, что держит путь в обитель,
Монаха, что на церковь собирает,
Ты приюти и щедро им подай.
Наш дом — что чаша полная. Открыто
Здесь, у большой дороги, он стоит
И каждого радушно принимает.

Между тем как они удаляются в глубину сцены, входят Вильгельм
Телль и Баумгартен.

Телль

(Баумгартену)

Теперь, мой друг, я больше вам не нужен.
Вон дом стоит. Войдите, там живет
Штауффахер. Он отец всем угнетенным...
Да вот и сам он!.. Подойдем к нему.

Идут к нему. Сцена меняется.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открытое место возле Альторфа.
В глубине сцены, на возвышенности, достраивается незаконченная спереди
крепость. Высокие леса; по ним вверх и вниз ходят мастеровые. На самом
верху, на крыше, сидит кровельщик. Всё в движении, все
заняты работой.

Надсмотрщик, мастер-каменотес, подмастерья и
подручные.

Надсмотрщик

(палкой понукает рабочих)

Бездельники, живее! Где известка?
Эй, шевелись! Сюда раствор и камень!
К приходу фохта пусть кипит работа!..
Ну что вы так ползете? Эх, улитки!

(Двум чернорабочим с кладью.)

И это ноша? Вдвое надо класть!
Я вижу, плуты вы и лежебоки!

Первый подмастерье

Глумление над нами — принуждать
Своей рукой себе темницу строить!

Надсмотрщик

Так вы ворчать? Бессовестный народ!
Коров доить вам только да лениво
Всю жизнь таскаться по своим горам!

Старик

(сядётся отдохнуть)

Ох, не могу!

Надсмотрщик

(трясет его за плечи)

Ну, ну, старик, живее!

Первый подмастерье

Души в вас нет! Он чуть таскает ноги.
Зачем его на подневольный труд
Вы гоните?

Мастер-каменотеси подмастерье

Нет, это нестерпимо!

Надсмотрщик

Не ваше дело! Служба так велит.

Второй подмастерье

А как, смотритель, крепость назовут,
Которую мы строим?

Надсмотрщик

Иго Ури.

Надежно вас согнут таким ярмом.

Подмастерья

Так, Иго Ури!

Надсмотрщик

Что же тут смешного?

Второй подмастерье

Домишком этим нас хотят смирить?

Первый подмастерье

Таких кротовых куч насыпать много
Одну поверх другой придется вам—
И то у нас гора любая выше!

Надсмотрщик уходит в глубину сцены.

М а с т е р - к а м е н о т е с

Я в озеро закину молоток,
Что на проклятой мне служил постройке.

Зходят Телль и Шгауффахер.

Ш т а у ф ф а х е р

Вот дожил я! Глаза бы не видали!

Т е л л ь

Да, тяжело. Пойдемте дальше, Вернер!

Ш т а у ф ф а х е р

И это *Ури!* Это край свободы!

М а с т е р - к а м е н о т е с

О, если бы вам показать подвалы
Под башнями! Кого туда посадят,
Тому уж петуха не услышать.

Ш т а у ф ф а х е р

О боже!

К а м е н о т е с

А своды в этом замке, а подпоры —
Их строили, как видно, на века!

Т е л л ь

Созданье рук всегда разрушат руки.

(Указывая на горы.)

Твердыни гор — вот вольности оплот!

Слышен барабан. Входят люди со шляпой на шесте; за ними следует
глашатай. Женщины и дети толпой вливаются на сцену.

П е р в ы й п о д м а с т е р ь е

Бьет барабан! Прислушайтесь!

М а с т е р - к а м е н о т е с

П о т е х а !

Как в карнавал!.. А шляпа-то зачем?

Г л а ш а т а й

Во имя императора!

П о д м а с т е р ь е

Эй!.. Тише!

Г л а ш а т а й

Народ кантона Ури! Эту шляпу
На шест высокий в Альторфе наденут
И выставят там на виду у всех.
И вот ландфохта Геслера приказ:
Пусть шляпе та же воздается почесть,
Что и ему. Пусть каждый перед нею,
Смирясь, без шапки станет на колени,
Чтоб император знал ему покорных.
Лишится тот имения и свободы,
Кто вздумает приказом пренебречь.

Народ громко смеется. Бьют в барабан, и толпа расходится.

Первый подмастерье

Еще одна ландфохтова затея!
Фохт поклоняться шляпе нам велит.
Да было ль что подобное на свете?

Мастер-каменотес

Так нам велят колени гнуть пред шляпой?
Что за игра с почтенными людьми?!

Первый подмастерье

Куда ни шло — имперская корона!
А то ведь шляпа герцогов австрийских, —
В палате ленной видел я ее.

Мастер-каменотес

Австрийская она! Глядите в оба!
Ловушка тут, чтоб Австрии предать нас.

Подмастерья

В ком честь жива, не стерпит поруганья!

Мастер-каменотес

Пойдем, с другими надо столкнуться.

Уходят в глубину сцены.

Телль

(Штауффахеру)

Я думаю, довольно с вас. Прощайте!

Штауффахер
Куда вы, Телль? Зачем вы так спешите?

Телль
Прощайте! Мне давно пора домой.

Штауффахер
Поговорим. На сердце тяжело.

Телль
Да что слова! От них не станет легче.

Штауффахер
Но к подвигам пускай ведут слова.

Телль
Терпеть, молчать — весь подвиг ныне в этом.

Штауффахер
Но должно ль то сносить, что нестерпимо?

Телль
Крутой правитель властвует недолго.
Когда внезапно забушует вихрь,
То гасится огонь, а корабли
Бегут укрыться в гавань, и бесследно
Проносится могучий дух грозы.
Пусть каждый дома, в тишине живет.
Кто любит мир, того оставят в мире.

Штауффахер
Вы думаете?

Телль
Да, змеи не троньте —
И не ужалят. Утомятся сами,
Увидя наших стран невозмутимость.

Штауффахер
Мы многого добьемся сообща.

Телль
В крушение легче выплыть одному.

Штауффахер

Вам дела нет до бедствий всей страны?

Телль

Лишь на себя могу я положиться.

Штауффахер

Сплотившись, даже слабые могучи.

Телль

Тот, кто силен, всего сильнее *один*.

Штауффахер

Что ж, родине на вас надежды нет,
Когда придет нужда в самозащите?

Телль

(подает ему руку)

Телль выручит из пропасти ягненка, —
Так разве он друзей в беде покинет?
Но вы не ждите от меня *совета*:
Я не умею помогать словами.
А *делом* захотите вы ответа,
Зовите Телля — он пойдет за вами.

Расходятся в разные стороны. Внезапно к лесам сбегается народ.

Мастер-каменотес

(вбегает)

Эй, что там?

Первый подмастерье

(вбегает с криком)

Наш кровельщик свалился с гребня крыши!

Берта* со свитой.

Берта

(бросается к месту происшествия)

Разбился он? Бежать, спасти, помочь!
Вот золото, спасите, если можно!

(Бросает народу свои драгоценности.)

М а с т е р

Прочь-золото — еще не все продажно!
Отняв отца у кучи ребятишек,
Навек жену и мужа разлучив
Или беду обрушив на народ,
Все думаете золотом поправить?
Ступайте прочь! Без вас мы знали радость,
А с вами до отчаянья дошли.

Б е р т а

(*подошедшему к ней зрителю*)

Он жив?

Зритель знаками показывает, что нет.

Злосчастный замок, ты построен
С проклятьями, и ты навеки проклят!

(*Уходит.*)

С Ц Е Н А Ч Е Т В Е Р Т А Я

Дом Вальтера Фюрста.
Вальтер Фюрст и Арнольд Мельхталь одновременно входят
с разных сторон.

М е л ь х т а л ь

А, Вальтер Фюрст...

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нас тут застигнуть могут!
Ни шагу! Соглядатаи кругом.

М е л ь х т а л ь

Все нет из Унтервальдена вестей?
Что мой отец? Не в силах дольше я
Здесь вынужденной праздностью томиться.
Чем провинился я, скажите, Фюрст,
Что, как убийце, надо мне скрываться?
Я негодяю палец перебил:
Ведь по приказу фохта Ланденберга
Он на моих глазах решил угнать
У нас волов могучую упряжку.

Вальтер Фюрст

Вы горячи. Простой слуга ландфохта,
Он от него был послан с порученьем.
Вы провинились, и вам надо было,
Хоть кара и тяжка, ее стерпеть.

Мельхталь

И наглецу простить его глумленье?
Ведь он сказал: «И без волов крестьянин,
Запрягшись в плуг, сумеет хлеб добыть!»
Нет, сердце из груди моей рвалось,
Когда волов прекрасных выпряг он.
Мыча, они рогами упирались,
Как будто чувствуя весь этот стыд.
И я, охвачен справедливым гневом,
Чтоб неповадно было, — проучил!

Вальтер Фюрст

Мы, старики, едва смирняем сердце,
Где ж юношам обуздывать себя?

Мельхталь

Лишь об отце тревожусь я... Опора
Ему нужна, а сын его далеко.
Фохт ненавидит старика: отец
Стоит горой за право и свободу.
Теперь они начнут его теснить,
И некому за старика вступиться...
Нет, будь что будет, я пойду к нему.

Вальтер Фюрст

Да потерпите, Мельхталы! Подождать
Вестей из Унтервальдена вам надо...
Никак, стучат?.. Не посланный ли это
От нашего наместника? Легко
Вас Ланденберг и здесь настигнуть может:
Один тиран другому помогает.

Мельхталь

Они пример *народу* подают.

Вальтер Фюрст

Ступайте! Я вас после позову.

Мельхталь уходит.

Бедняга! Я открыть ему не смею
Моих предчувствий смутных... Кто стучится?..
Чуть скрипнет дверь, как я несчастья жду.
Предательство, коварство притаились
По всем углам. Подручные ландфохтов
Врываються в дома. Придется нам
Засовы и замки к дверям приделать.

(Отворяет дверь и в изумленье отступает, увидев входящего

Штауффахера.)

Кого я вижу? Это вы, Штауффахер!
Гость дорогой!.. Под кровлею моею
Почтенней вас я никого не помню.
Мой друг, добро пожаловать ко мне!
Зачем вы к нам? Что ищете здесь, в Ури?

Штауффахер

(подает ему руку)

Былое время, родину былую!

Вальтер Фюрст

Они всегда у вас в душе... Как только
Увижу вас — на сердце легче станет.
Садитесь, Вернер! Как здоровье вашей
Супруги, рассудительной Гертруды,
Вполне достойной мудрого отца?
Паломники, что из земли немецкой
В Италию бредут дорогой горной,
Гостеприимный дом ваш очень хвалят...
Скажите, в нашем крае ничего
Особенного вы не замечали,
Пред тем как мой порог переступить?

Штауффахер

(садится)

Да, здание тут странное возводят,
И вид его не радует меня.

Вальтер Фюрст

Чуть бросишь взгляд — все сразу ясно станет!

Штауффахер

Подобных зданий в Ури не бывало —
Темниц у вас не знали никогда.
Могила лишь была для всех темницей.

Вальтер Фюрст

И эта крепость — вольности могила!

Штауффахер

Да, Вальтер Фюрст, скажу вам без утайки:
Я к вам пришел не с праздным любопытством.
Меня гнетут заботы... Я оставил
Гнет позади — и гнет я вижу здесь.
Страдания наши стали нестерпимы,
Но притеснениям не видать конца.
Издревле был свободен наш народ,
С насилием он свыкнуться не может.
Таких порядков край наш не знавал
С тех пор, как в нем пастух пасет стада.

Вальтер Фюрст

Да, беспримерно их самоуправство!
И даже родовитый Атtingаузен —
Он помнит стародавние года —
Сам говорит, что бремя нестерпимо.

Штауффахер

А в Унтервальдене тяжелый гнет
Кровавого дождался воздаянья...
Там Вольфеншиссен, в Росберге сидел он,
Хотел вкусить запретного плода:
Он дерзостно Баумгартена жену
Задумал обесчестить, но хозяин
Хватил его что силы топором.

Вальтер Фюрст

Да, божий суд был справедлив над ним!..
Всегда так скромн, сдержан был Баумгартен.
Скажите, удалось ему спастись?

Штауффахер

Ваш зять его от стражи фохта спас,
А спрятался он под моею кровлей...

Он рассказал еще ужасней случай,
Что в Сарнене произошел недавно.
Ах, ваше сердце кровью обольется!

Вальтер Фюрст
(насторожившись)

Что ж там случилось?

Штауффахер

Там, в селенье Мельхталь,
Неподалеку от деревни Кернс,
Живет правдивый старец Генрих Гальден!
Его советом дорожит округа.

Вальтер Фюрст
Он всем знаком. Ну, что с ним? Говорите!

Штауффахер

Так за проступок сына маловажный
Фохт Ланденбергер выпрячь приказал
У них волов прекраснейшую пару;
А юноша, слугу ударив, скрылся.

Вальтер Фюрст
(с величайшим нетерпением)
Но что старик?.. Скажите, что с ним стало?

Штауффахер

Он Ланденбергом вызван был, и фохт
Велел ему тотчас же выдать сына.
Старик поклялся, не кривя душой,
Что ничего о беглеце не знает.
А тот послал тогда за палачами...

Вальтер Фюрст
(вскакивает и хочет увести его в другую сторону)
Ни слова, тише!

Штауффахер
(с возрастающей силой)

«Сын твой ускользнул,

Так я ж тебя!» И кликнул палачей;
И старику они глаза пронзили...

Вальтер Фюрст
О боже милосердный!

Мельхталь
(вбегая)

Как — глаза?

Штауффахер
(с удивлением, Вальтеру Фюрсту)
Кто это, кто?

Мельхталь
(судорожно хватая его)

Глаза? Да отвечайте ж!

Вальтер Фюрст
Несчастный!

Штауффахер
Да, но кто же он такой?..

Вальтер Фюрст делает ему знаки.
Так это сын? О праведное небо!

Мельхталь
А я был далеко!.. Так оба глаза?

Вальтер Фюрст
Крепитесь же! Беду, как муж, снесите!

Мельхталь
И за мою вину! За мой проступок!
Слепой? Он вправду слеп? Впрямь ослеплен?

Штауффахер
Я все сказал. Иссяк источник зренья,
Он солнца не увидит никогда.

Вальтер Фюрст
Щадите скорбь его!

Мельхгаль

Так... Никогда!

(Закрывает лицо руками и некоторое время молчит; затем, обращаясь то к одному, то к другому, говорит прерывающимся от слез голосом.)

О свет очей, бесценный дар небес!..
Тобою все создания живут...
И каждое счастливое творенье,
Былинка даже, тянется за светом.
А он сидит, все чувствуя, в ночи,
Он вечной тьме отныне обречен...
Его не усладит ни зелень луга,
Ни пламя зорь вверху, на ледниках...
Смерть не страшна... но *жить, не видя солнца*, —
Вот где беда... Зачем вы на меня
Так смотрите? Ах, у меня два глаза,
Но и один я дать отцу бессилен
Иль даже слабый луч от моря света,
Которое мой ослепляет взор.

Штауффахер

Не исцелить — умножить ваше горе
Придется мне... Нужда его безмерна:
Жестокий фохт все отнял у него.
Один лишь посох он ему оставил,
Чтоб наг и слеп под окнами скитался.

Мельхталь

Слепому старику один лишь посох!
Все отнято, и даже солнца луч,
Хоть солнце светит бедным и богатым...
Никто теперь меня здесь не удержит!
Презренный трус — тогда я только думал
Лишь о себе; а про тебя, отец,
Я позабыл. Ах, голову родную
Оставил я у изверга в залог!
Прочь, осторожность робкая!.. Отныне
О мщении кровавом стану думать...
Пойду... Никто меня здесь не удержит...

Пусть мне ландфохт вернет глаза огня!..
Я отыщу его средь грозной стражи...
Мне жизнь не в жизнь, пока я не смогу
Чудовищное, жгучее страданье
В крови злодея остудить!

(Порывается уйти.)

Вальтер Фюрст

Постойте!

Ну чем же вы ему опасны, Мельхталь?
Он в замке Сарнен, средь отвесных скал,
Лишь поглумится над бессильным гневом.

Мельхталь

Живи он в ледяном дворце Шрекгорна
Иль выше, там, где восседает Юнгфрау —
Под снежною фатою Дева гор, —
Я проложил бы путь к нему! Лишь двадцать
Таких, как я, и мы разрушим крепость.
Но, если я останусь одинок,
Вы ж, за стада, за хижины страшась,
Под игом лютым склонитесь покорно,
Тогда в горах я кликну пастухов,
И под лазурным вольным небосводом,
Где чисты сердцем, мужественны духом,
Я расскажу о мерзком злодеянье.

Штауффхер

(Вальтеру Фюрсту)

Вот до чего дошло! Так ожидать ли,
Пока до крайности...

Мельхталь

Какой еще

Бояться крайности, когда самой
Зенице ока тибель угрожает?..
Мы — беззащитны? Для чего ж тогда
Нас тетиву натягивать учили
И тяжкою секирою владеть?
Про час беды орудие защиты
Созданьям всем дано. Олень на травле
Грозит собакам мощными рогами,
Охотника свергает в бездну серна*,

И даже вол, работник безответный,
Который силу страшную свою
Покорно под ярмом смиряет тяжким,
Рассвирепев, могучий точит рог
И недруга под облака кидает.

• Вальтер Фюрст

Будь три страны — как мы втроем — в согласье,
Мы многое свершили бы тогда.

Штауффахер

Пусть Ури кликнет клич — ему на помощь
И Швиц и Унтервальден поспешат.

Мельхталь

Немало в Унтервальдене родных
Есть у меня. Любой из них пойдет,
Когда в другом почувствует опору...
О мудрые старейшины народа!
Вы видите, я — юноша меж вами,
Мужами многоопытными. Скромно
На сходках общины пока молчу.
Пусть молод я и мало испытал,
Совета моего не презирайте.
Не жажда крови говорит во мне,
Но сила горя лютого — такая,
Что у скалы она исторгнет слезы!
И вы, отцы, и вы, главы семейств,
Достойного себе хотите сына,
Который бы седины ваши чтил
И вас берег бы как зеницу ока.
О, если целы дом ваш и добро
И вас не изувечили — глаза
Еще бодры, и ясны, и подвижны, —
То все же наших не чуждайтесь бед!
Ведь и над вами меч повис тирана,
И вы — враги австрийского господства.
Ведь за собой другой вины не знал
Старик отец. Так ожидайте кары!

• Штауффахер

(Вальтеру Фюрсту)

Решайтесь! Я последую за вами.

Вальтер Фюрст

Послушаем, что скажут нам дворяне —
Бароны Силенен и Аттинггаузен.
Их имена к нам привлекут друзей.

Мельхталь

Чьи ж имена у нас в горах почтенней,
Чем ваше, Фюрст, и ваше, друг Штауффахер?
В такие имена народ наш верит,
И доброй славой он венчает их.
Вы доблестей, завешанных от предков,
Умножили богатое наследье.
Что нам дворяне? Справимся без них!
Будь мы одни в стране, давно б сумели
Найти себе защиту без дворян.

Штауффахер

Дворянам наши беды незнакомы:
Поток, теперь бушующий внизу,
Вздываясь, будет подниматься выше.
И нам они, я думаю, помогут,
Когда за меч возьмется вся страна.

Вальтер Фюрст

О, если б между Австрией и нами
Посредник сильный, справедливый был!
Но нас гнетет и судит император —
Наследственный австрийский государь.
Бог да поможет нам в *самозащите!*
Вербуйте в Швице, я вербую в Ури.
Но вот кого б отправить в Унтервальден?

Мельхталь

Меня... мне это дело ближе всех.

Вальтер Фюрст

Я не согласен. Вас я не пущу:
За безопасность гостя я в ответе!

Мельхталь

Все тайные тропинки, все дороги
В горах я знаю... А мои друзья
И приютят и от врага укроют.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть с богом он идет в свой Унтервальден!
Предать его там некому... Тираны
Послушных слуг себе там не находят.
И Баумгартен следом пусть идет —
Вдвоем они весь этот край поднимут.

М е л ь х т а л ь

Но как затем подать друг другу весть,
Что бдительность усыплена тиранов?

Ш т а у ф ф а х е р

Собраться можно в Бруннене иль в Трейбе,
Где пристают с товарами суда.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, так открыто действовать нельзя...
Послушайте: от озера налево,
Как ехать в Бруннен, против Митенштейна,
Есть в чаще леса светлая поляна,
Что издавна в горах зовется Рютли *.
Там некогда был выкорчеван лес.
На этом месте сходятся границы

(Мельхталю)

Моей и вашей стран. Недолог путь

(Штауффахеру.)

Туда из Швица в легком челноке.
Ночной порой пустынными тропами
Сойдемся мы туда на наш совет.
И пусть по десяти мужей надежных,
Единодушных каждый приведет.
Там наши беды вместе мы обсудим,
Что делать, с божьей помощью решим.

Ш т а у ф ф а х е р

Да будет так, друзья. Теперь подайте
Мне ваши руки честные. Как мы,
Три мужа, тут сплотились непритворно,
Так да сплотятся крепко, воедино —
И для отпора и для обороны,
На жизнь и смерть! — и наши *три страны*.

Вальтер Фюрст и Мельхталь
На жизнь и смерти!

Все трое, подав друг другу руки, некоторое время молчат.

Мельхталь

Слепой старик отец!
Ты не увидишь дня освобождения,
Но ты его *услышишь!* Выси гор
Сигнальными огнями запылают;
Падут тиранов дерзкие твердыни,
И к хижине твоей, страны святыне,
Из городов придут и деревень,
И в тьме твоих очей забрезжит день.

Расходятся.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Замок барона Аттингаузена.

Готический зал, украшенный гербовыми щитами и шлемами. Барон, старик восьмидесяти пяти лет, высокого роста и благородной осанки, одетый в меховой камзол, стоит, опираясь на посох с рогом серны вместо набалдашника. Куони и шесть работников с граблями и косами окружили его. Ульрих фон Руденц входит в рыцарской одежде.

Руденц

Вы звали, дядя... Что же вам угодно?

Аттингаузен

По древнему обычаю, сперва
С работниками чашу разопьем.

(Пьет из кубка и передает его вкруговую.)

Бывало, с ними я в лесу да в поле
И взглядом их усердье поощрял
Иль в битву вел под стягом боевым;

А нынче я в дворецкие лишь годен,
И если солнце в замок не заглянет,
То мне за ним невмочь подняться в горы.
И все тесней, теснее жизни круг,
Все ближе самый тесный круг, последний,
Где жизнь замрет навек... Сейчас я — тень,
Недолго ждать — останется лишь имя.

Куони

(передавая Руденцу кубок)

Желаю здравствовать!

(Видя, что Руденц колеблется, брать ему кубок или нет, продолжает.)

И пусть у нас

Одно вино — одно и сердце будет.

Аттинггаузен

Ступайте, дети... На заре вечерней
Дела родного края мы обсудим.

Работники уходят.

Аттинггаузен

Я вижу, ты в дорогу снарядился.
Ты в замок Альторф снова едешь, Руденц?

Руденц

И дольше медлить, право, не могу...

Аттинггаузен

(саясь)

Но так ли это к спеху? Неужели
Так скупю юности отмерен срок,
Что не найдешь для старика минуты?

Руденц

К чему? Я вам давно не пужен, дядя.
Я в этом доме как чужой живу.

Аттинггаузен

(пристально смотрит на него)

И жаль, что это правда. К сожаленью.
Чужбиной стала родина тебе...

О, я тебя не узнаю, мой Ульрих!
В шелку блистаешь, горд пером павлиньим,
Австрийский плащ пурпурный на плече... *
И смотришь на крестьянина с презрением —
Не мил тебе его привет радушный.

Руденц

Почет ему охотно воздаю,
Но прав своих ему не уступаю.

Аттинггаузен

У Габсбурга в опале вся страна...
Сердца всех честных граждан скорби полны
И возмущенья гнетом... Лишь тебя
Не трогает всеобщая печаль...
Отступником тебя считают, ты
На сторону врага страны предался,
Глумишься над народною бедой.
За легкими утехами в погоне,
Благоволенья Габсбургов ты ищешь,
А лютый бич отечество терзает.

Руденц

Страна угнетена... Но почему же?
Кто вверг ее в подобную беду?
Ведь только слово стоит произнести —
И гнета тяжкого как не бывало
И милостив к нам снова император.
О, горе тем, кто ослепил народ,
Чтоб он не видел истинного блага!
Да, все они из выгоды своей
Противятся, чтоб три лесных кантона,
Как прочие, австрийцам присягнули.
Ведь им приятно на скамьях господских
С дворянами сидеть. А император
Как *призрачная* власть желанен им.

Аттинггаузен

И это, Ульрих, от тебя я слышу?

Руденц

Вы бросили мне вызов — дайте кончить!..
Какую вы себе избрали роль?
Неужто гордости хватает только —
Старейшиной, владетельным бароном

Здесь править с пастухами наравне?
Да разве дворянину не почетней
На верность Габсбургам присягу дать
И в лагерь их блестящий перейти?
Ну что за честь быть со слугою равным
И с селянином заседать в суде?

А т т и н г а у з е н

Ах, Ульрих! Голос узнаю соблазна.
Твой жадный слух легко он обольстил
И сердце напоил отравой сладкой!

Р у д е н ц

Я не скрываю — глубоко в душе
Отозвались насмешки чужеземцев,
Мужицкой знатью обозвавших нас...
Мне тяжело, что сверстники мои
Уже на поле брани отличились,
Избрав знамена Габсбургов, а я
В досуге или в низменных заботах
Лишь по-пустому время убиваю...
Там подвиги свершаются, туда
Меня зовет блистательный мир славы,
А здесь *мои* проржавели доспехи.
Ни звук задорный боевой трубы,
Ни зов герольда на турнир блестящий
В долины эти к нам не проникают.
Я слышу здесь одни пастушьи песни
Да колокольчиков унылый звон.

А т т и н г а у з е н

Как ослепил тебя мишурный блеск!..
Что ж, презирай отчизну! И стыдись
Обычаев ее, священных, древних!
Твой час придет, и ты к родным горам
Стремиться будешь с горькими слезами.
А тот простой пастушеский напев,
Которым ты пренебрегаешь гордо,
Заставит сердце изойти тоскою,
Когда его в чужой земле услышишь.
О, как могуча к родине любовь!
Не для тебя тот мир, чужой и лживый.
При гордом императорском дворе

Жить нелегко с душой прямой, открытой!
Там доблести нужны совсем другие,
Не те, что ты здесь приобрел в горах...
Ступай же и продай свою свободу,
Лен получи, стань княжеским рабом,
Когда себе сам господин и князь
Ты на земле наследственной, свободной.
Но нет, останься, Ули, со своими!
Не езди в Альторф... О, не покидай
Святого дела родины своей!
Ты знаешь, я в моем роду последний —
Мое угаснет имя, и в могилу
Положите вы мне мой щит и шлем.
Так неужели при последнем вздохе
Я думать должен, что, закрыв глаза мне,
Ты к чужеземцам явишься и там
Свободные, дарованные богом
Владения как лен австрийский примешь?

Руденц

Мы Габсбургу противимся напрасно:
Ему весь мир подвластен *. Неужели
Одни, с упорством нашим закоснелым,
Мы цепь земель сумеем разорвать,
Которой он, могучий, окружил нас?
Его здесь рынки и суды, его
Торговые пути — с коня под вьюком
И то на Сен-Готарде платят сбор.
Владеньями его мы, будто сетью,
Окружены, опутаны повсюду...
Защита ли империя для нас?
Вы думаете, Австрия слабей?
Бог — наш оплот, не император. Верить
Возможно ль императору, когда,
В деньгах нуждаясь, чтоб вести войну,
Он города стал отдавать в залог *,
Что добровольно стали под защиту
Имперского орла?.. Нет, мудрость нам
Велит — во времена тяжелых смут
Найти себе могучего владыку.
Имперская корона переходит
По выборам, и памяти у ней
О службе верной нет. Зато услуги
Наследственному дому — сев надежный.

Аттинггаузен

Так, значит, ты куда умней отцов,
Свободы самоцвет неоценимый
Добывших кровью, доблестью геройской?..
Ты в *Люцерн* съезди, там спроси народ,
Как их страну австрийцы угнетают!
Что ж, и у нас они овец, коров
Пересчитают, пастбища обмерят,
В лесах свободных запретят охоту
На зверя красного и на пернатых,
Заставами нам преградят мосты.
Нас разорив, поместий нахватают
И нашей кровью будут побеждать...
Нет, если кровь свою придется лить,
То лучше *за себя*: свобода нам
Куда дешевле рабства обойдется.

Руденц

Мощь Альбрехта не сломят пастухи!

Аттинггаузен

Сперва узнай, какие пастухи!
Я знаю их, я вел их на врага.
Я вместе с ними дрался под Фаэнцой*.
Пусть нам посмеют иго навязать,
Когда его нести мы *не хотим!*..
Будь горд сознанием, чей ты соплеменник!
Не променяй же на ничтожный блеск
Ты неподдельный жемчуг высшей чести —
Стать во главе *свободного* народа!
Он за тобой, как твой соратник верный,
В час испытаний в смертный бой пойдет...
Вот чем гордись, знай: в *этом* благородство.
Скрепляй природой созданные узы,
Всем сердцем к родине своей прильни,
В любви к ней будь и тверд и постоянен.
Здесь мощный корень сил твоих таится,
А на чужбине будешь одинок —
Сухой тростник, что свежий ветер ломит.
Давно тебя мы дома не видали,
Один лишь день ты с нами проводи,
Сегодня лишь не ездь в Альторф, Ули.
Сегодня, слышишь? Этот день — для близких!

(Хватает его руку.)

Руденц

Я слово дал... Я связан... Не могу.

Аттинггаузен

(оставляя его руку, строго)

Ты связан... Да, злосчастный, это верно.
Ты связан, и не словом и не клятвой,
Но узами любви... Мне все известно.

Руденц отворачивается.

Я вижу, ты смущен, ты отвернулся!
Ты Бертою фон Брунек увлечен,
Она тебя к австрийской службе манит.
Невесту хочешь ты добыть ценой
Измены родине... Не прогадай!
Они тебя невестой приманили;
Не будь так прост, она не для тебя.

Руденц

Прощайте! Хватит этих наставлений!

(Уходит.)

Аттинггаузен

Да погоди, безумец!.. Нет, ушел!
И я не в силах удержать, спасти...
Так Вольфеншиссен некогда отпал
От родины... Так отпадут другие,
За наши горы манят молодежь
Чужой страны могучие соблазны...
О злополучный час, когда чужое
Проникло в безмятежные долины,
Чтоб нравы тут невинные растлить!..
К нам новое врывается насильно,
А старое, достойное, уходит.
И времена и люди уж не те!
Зачем я здесь? Давно погребены
Все, с кем я вместе действовал и жил.
Мой век ушел в могилу. Счастлив тот,
Кто жить не будет с новым поколением!

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Луг, окруженный высокими скалами и лесом.
Со скал ведут тропинки с высеченными в них ступенями и с перилами.
Немного спустя по этим тропинкам начнут сходить вниз поселяне. В глубине сцены — озеро, над ним некоторое время видна лунная радуга.
Вдали — высокие горы, из-за которых поднимаются еще более высокие снежные вершины. Глубокая ночь. Только озеро и белые ледники блестят, освещенные луной.

Мельхталь, Баумгартен, Винкельрид, Майер Сарнен,
Буркгарт Бюгель, Арнольд Сева, Клаус Флюе и еще
четверо поселян. Все вооружены.

Мельхталь

(еще за сценой)

Вот горная тропа. Вперед, *за мной!*
А вон скала с распятым на вершине.
У цели мы. Поляна эта — Рютли.

Входят с факелами.

Винкельрид

Прислушайтесь!

Сева

Все пусто.

Майер

Ни души!
Наш Унтервальден всех опередил.

Мельхталь

Который час?

Баумгартен

Поблизости, в деревне,
Дал сторож криком знать, что два часа.

Издалека доносится звон.

Майер

Вы слышите?

Бюгель

В лесной часовне в Швице
К молитве ранней колокол зовет.

Ф л ю е

Да, воздух чист, и звон далеко слышен.

М е л ь х т а л ь

Пусть кто-нибудь скорей зажжет костер,
Чтоб он пылал, когда друзья сойдутся.

Двое крестьян уходят.

С е в а

Как хороша ночь лунная! Сегодня
Гладь озера, как зеркало, спокойна.

Б ю г е л ь

Им плыть нетрудно будет.

В и н к е л ь р и д

(протянув руку в сторону озера)

Посмотрите!

Не видите? Вон там!

М а й е р

Да что ж такое?..

Ах, вижу, вижу! Радуга среди ночи!

М е л ь х т а л ь

Она луной, должно быть, рождена.

Ф л ю е

Вот редкое и чудное явление!
Не всякому дано его увидеть.

С е в а

Над ней другая, только побледнее.

Б а у м г а р т е н

Вон лодка показалась вдалеке.

М е л ь х т а л ь

Плывет к нам Штауффахер с земляками.
Швиц долго ждать себя не заставляет.

(Идет с Баумгартеном к берегу.)

Майер

Да вот из Ури никого не видно.

Бюгель

Им обходить далеко через горы,
Чтобы посты ландфохта обмануть.

Тем временем двое крестьян развели посреди поляны огонь.

Мельхталь

(с берега)

Эй, кто там? Отвечай!

Штауффахер

(снизу)

Друзья страны!

Все идут в глубину сцены навстречу прибывшим. Из лодки выходят Штауффахер, Итель Рединг, Ганс Мауер, Иорг Гоф, Конрад Гунн, Ульрих Шмид, Иост Вайлер и еще трое крестьян. Все вооружены.

Все

(громко)

Привет! Привет вам!

В то время как все остаются в глубине сцены, приветствуя друг друга, Мельхталь и Штауффахер выходят вперед.

Мельхталь

Видел я, Штауффахер,
Того, кто уж не смог *меня* увидеть;
Его глазниц коснулся я рукой
И чувство жгучей мести почерпнул
В потухших солнца старческого взгляда.

Штауффахер

Ни слова мне о мести! Мы не мстить,
Но злу должны достойный дать отпор.
Вы были в Унтервальдене. Что там
Предпринято для общего нам дела?
Какие мысли у крестьян? Легко вам
Сетей измены удалось избежать?

Мельхталь

Через вершины грозные Суренна,
По ледяным полям, бескрайным, голым,
Где раздается хриплый крик орла,
Я к пастбищу альпийскому спустился, —
Там пастухи из двух соседних общин
Пасут свои стада, перекликаясь.
Я жажду утолял тем молоком,
Что, пенясь, льется из-под ледников.
Я в хижинах пастушеских пустых
Был сам себе хозяином и гостем,
Пока людских селений не достиг...
В долинах всем уже известно стало
О новом небывалом злодеянье,
И стоило мне только постучаться,
Меня с почетом всюду принимали.
Возмущены простые эти люди
Всё новыми бесчинствами ландфохтов.
Как на лугах альпийских год за годом
Растут все те же травы, как потоки
По старым руслам движутся в том крае,
Как в небе облака и даже ветры
Извечным следуют путям, так точно
Обычаи старинные от деда,
Не изменяясь, к внуку переходят, —
Там пастухи враждебны новизне,
Грозящей их привычной, ровной жизни...
Они мне руку крепко пожимали,
Со стен срывали ржавые мечи,
И в их глазах сверкал огонь отваги,
Когда я им Штауффахера и Фюрста
Назвал столь дорогие имена...
Они клялись быть с вами заодно,
На смерть они клялись пойти за вами...
Так я, храним священным правом гостя,
Спешил от одного двора к другому
И наконец родимый край увидел,
Где у меня немало есть своих...
Нашел слепого старика отца.
Он на чужой соломе спал, питаясь
Тем, что дадут из милости...

Штауффахер

О боже!

Мельхталь

Но я не плакал, нет! В слезах бессильных
Скорбь жгучую не стал я изливать.
Я заключил ее, как драгоценность,
В своей душе и думал лишь о деле.
Я побывал во всех ущельях гор,
Я обошел укромные долины,
И даже у подошвы ледников
Я хижины жилые находил.
И всюду, где пришлось мне побывать,
Везде встречал я ненависть к тиранам.
Ведь даже там, у крайнего предела
Живой природы, где уже земля
Перестает родить, ландфохты грабят...
Я возбудил сердца всех честных граждан
Горячей речью, жалом слов моих,
И наш теперь народ душой и телом.

Штауффахер

В короткий срок вы многого добились.

Мельхталь

Я сделал больше. Наших поселян
Страшат два замка: Росбергский и Сарнен.
За их стенами каменными враг
Скрывается, вредя стране оттуда.
Мне вздумалось разведку предпринять —
И в Сарнен я проник и видел замок.

Штауффахер

Дерзнули вы войти в пещеру тигра?

Мельхталь

В одежде пилигрима я прошел
И видел Ланденберга за пирушкой...
Судите же, как я собой владею:
Я увидал врага — и не убил.

Штауффахер

Отважны вы, да вам и повезло.

Тем временем остальные крестьяне выходят вперед, приближаясь к обоям.

Теперь скажите мне, кто те друзья,
Которые явились вместе с вами?
Вы познакомьте нас, и мы откроем
Доверчиво свои сердца друг другу.

М а й е р

В любой из трех земель кто вас не знает?
Я — Майер, житель Сарнена. Вот этот —
Племянник мой из Винкельрида, Струт.

Ш т а у ф ф а х е р

Всё имена известные в горах.
Один из Винкельридов победил
Дракона в Вайлерском болоте*; сам
В той схватке он погиб.

В и н к е л ь р и д

То предок мой.

М е л ь х т а л ь

(указывая на двух крестьян)

Те двое — монастырские крестьяне.
Я знаю, вы от них не отвернетесь,
Хоть это *крепостные*, не как мы,
Свободные на собственном наследье.
Народ хороший, преданный отчизне.

Ш т а у ф ф а х е р

(обоим)

Подайте ваши руки. Счастлив тот,
Кто никому у нас не подневолен.
Но честность красит звание любое.

К о н р а д Г у н н

Вот это Рединг, бывший старшина.

М а й е р

Я с ним знаком. Да, это недруг мой
По старой тяжбе об одном участке.
Мы с Редингом враги перед судом,
Но здесь друзья.

(Жмет ему руку.)

Штауффахер

Вот сказано умно!

Винкельрид

Идут, идут! Вы слышите рог Ури? *

Справа и слева появляются на скалах вооруженные люди с факелами и спускаются вниз.

Мауер

Смотрите!.. Как! Служитель алтаря,
Священник, с ними вместе? Невзирая
На тяготы пути и мрак ночной,
Он, верный пастырь, их сопровождает!

Баумгартен

С ним Вальтер Фюрст и клирик Петерман.
Но что-то я среди них не вижу Телля.

Вальтер Фюрст, священник Рёссельман, псаломщик Петерман, пастух Куони, охотник Верни, рыбак Руоди и еще пятеро других поселян. Все собравшиеся, числом тридцать три, выходят вперед и становятся вокруг костра.

Вальтер Фюрст

Итак, должны мы на земле отцов,
Наследии законном нашем, тайно
Сходиться здесь, как будто для убийства,
И в ночь, которая покров свой темный
Дает лишь преступлениям и делам,
Что солнечного света избегают,
Мы право добываем, хоть оно
И чисто и светло, как день лазурный.

Мельхталь

Да будет так! Что мрак ночной прядет,
То радостно на солнце зацветет.

Рёссельман

Союзники! Господь мне мысль внушил.
Здесь вместо общины мы собрались
И представляем весь народ по праву.
Приступим к совещанью по старинным
Обычаям страны, как в мирный год;
Что незаконного в собрание нашем,

Оправдывает время. Бог везде,
Где право защищают от насилья.
И под его мы небом тут стоим.

Ш т а у ф ф а х е р

Добро! Держать совет, как в старину.
Хоть ночь теперь — сияет наше право!

М е л ь х т а л ь

Пусть нас числом немного — *сердце* здесь
Всего народа, *лучшие* тут в сборе.

К о н р а д Г у н н

Хоть древних книг у нас нет под рукою,
Но их слова начертаны в сердцах.

Р ё с с е л ь м а н

Составим круг, друзья, и посреди,
Как власти знак, мечи мы водрузим! *

М а у е р

Пусть старшина перед мечами встанет,
А по бокам — помощники его.

П е т е р м а н

Здесь три народа. И кому из них
Главой совета подobaет быть?

М а й е р

Об этом Ури пусть со Швицем спорят.
Охотно им уступит Унтервальден.

М е л ь х т а л ь

Мы уступаем. Мы пришли молить
Своих друзей могучих о поддержке.

Ш т а у ф ф а х е р

Пусть Ури меч возьмет. В походах славных
Всегда стяг Ури впереди других.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Нет, предоставим Швицу эту честь.
Мы все горды, что род ведем оттуда.

Рёссельман

Улажу я ваш благородный спор:
В совете — Швиц, в войне пусть правит Ури.

Вальтер Фюрст
(подаёт Штауффахеру мечи)

Возьмите!

Штауффахер
Нет, вы старшему отдайте.

Иорг Гоф
Здесь Ульрих Шмид старейший между всеми.

Мауер
Шмид человек достойный. Но судьбою,
Как крепостной, он в Швице быть не может.

Штауффахер
Вот Итель Рединг, бывший старшина.
Найдем ли мы достойнее главу?

Вальтер Фюрст
Да будет старшиной, главой совета!
Тот, кто согласен, руку подыми!
Каждый поднимает правую руку.

Рединг
(выходит на середину круга)
Священных книг для клятвы с нами нет.
Но звездами извечными клянусь:
От истины вовек не уклонюсь.

Перед ним вонзают два меча. Все становятся в круг. Швиц занимает середину, правее располагается Ури, левее — Унтервальден. Рединг стоит, опершись на свой меч.

Что привело три горные народа
Сюда, на берег озера угрюмый,
В глухой полночный час? Ответьте мне,
Какая цель у нового союза,
Что мы под звездным небом заключаем?

Штауффахер

(выходит на середину круга)

Мы тут не новый заключим союз, —
Возобновляем мы союз старинный*,
Он предками основан был. О братья!
Нас разделяют озеро и горы,
Раздельное у нас в лесах правление,
Но *одного* мы корня, *кровь одна*,
И мы пришельцы из *одной* отчизны.

Винкельрид

Так наши песни память сохранили,
Что мы сюда издалека пришли?
Вы древнюю нам расскажите быль,
И мы скрепим союз наш давней связью.

Штауффахер

Средь старых пастухов живет преданье...
Когда-то жил на севере далеком
Большой народ. Голодный год настал,
И община в такой беде решила,
Чтобы из них по жребию десятый
Покинул отчий край... И стало так!
И шли они с унынием, в слезах —
Мужчины, женщины — все дальше к югу,
Мечом чрез земли немцев пробиваясь,
До мрачного лесистого нагорья.
Но, устали и тут не зная, дальше
До той долины дикой шли они,
Где средь лугов, змеясь, течет Муота...
Людских следов здесь не было заметно,
Лишь хижина на берегу виднелась
Да лодочник у переправы ждал...
Но озеро сердито бушевало, —
Невольно задержаться им пришлось!
Глядят вокруг: пустынный край обилен
Прекрасным лесом, ключевой водою.
Им чудилось, они попали вдруг
В отчизну милую... И тут осели.
И выросло средь гор селенье *Швиц*.
Немало тягот вынести им пришлось
На раскорчевке леса под хлеба...

Потом, когда земли хватать не стало,
То часть народа двинулась на юг —
До Черных гор и дальше, до Вайсланда, —
Там, за громадой вечных льдов укрыт,
Живет другой народ, с чужою речью *.
Селенье Станц построили в Кернвальде,
Селенье Альторф — у долины Ройс,
Но общность родовую не забыли.
Среди чужих племен, что с той поры
В долинах здешних мирно водворились,
Мы без труда друг друга отличаем:
В нас кровь и сердце знать себя дают.

(Пожимает всем руки.)

Мауер

Да, сердце в нас одно и кровь одна!

Все

(подавая друг другу руки)
Один народ, и воля в нас едина.

Штауффахер

Немало есть народов подъяремных,
Они завоевателям покорны;
Ведь даже в нашей стороне и то
Средь поселенцев много подневольных:
Они — рабы, и дети их — рабы.
Но мы, потомки истинные Швица,
Свою свободу сберегли. Князьям
Вовек не подчинялись. Добровольно
Империю заступницей избрали.

Рёссельман

Свободно встали под ее защиту.
В том грамоту нам император дал *.

Штауффахер

Власть признает и тот, кто всех свободней.
Нам нужен был глава, судья верховный,
Для разрешенья всяких тяжб и споров.

И наши предки сами, добровольно,
Землей, отторгнутой у дикой чащи,
Почтили императора, главу
Всех итальянских и германских стран,
И свято обещали, как другие
Свободные империи народы,
Поддержку в войнах. Долг свободных граждан —
Державу, свой оплот, оборонять.

Мельхталь

Что сверх того, то верный признак рабства.

Штауффахер

Когда нас император призывал,
Мы под его знаменами сражались;
В Италию за государем шли,
Чтоб римскою венчать его короной.
Но дома правил только сам народ
По собственным законам и преданьям,
А император ведал смертной карой,
И для суда он графа назначал.
Но тот жил вне страны, и призывали
Его лишь в редких случаях убийства.
И под открытым небом просто, ясно
Граф изрекал свой беспристрастный суд.
Где в этом всем хотя б намек на рабство?
Кто думает иначе — говори!

Гоф

Нет, все так шло, как рассказали вы.
Доныне мы насилия не знали.

Штауффахер

Мы раз не подчинились государю *,
Когда он принял сторону попов.
Ведь монастырь Айнзидельн захотел
Отнять у нас урочище, где мы
От дедовских времен пасли стада.
Аббат представил грамоту — обманом
Земля к монастырю переходила,
Как будто нас там вовсе не бывало...

Но мы сказали твердо: «Император
Дарить не вправе земли поселян...
А коль в правах империя откажет,
И без нее мы проживем в горах...»
Вот предков был язык! Неужто *нам*
Позором ига тяжкого покрыться
И от слуги чужого * то сносить,
К чему не мог принудить император?..
Мы эту землю заново *создали*
Трудами наших рук и лес дремучий,
Служивший диким логовом медведям,
В жилище человека превратили.
Мы извели раздувшихся от яда
Драконов злых, исчадия болот;
Мы вечную тумана пелену
Над этой дикой глушью разорвали;
С пути убрали скалы и отважно
Над бездной перекинули мосты.
Наш этот край, мы им века владели —
И чтоб чужой слуга явился к нам
И цепи нам осмелился ковать
И нас позорил на родной земле?
Да разве нет защиты против гнета?

Сильное волнение среди крестьян.

Нет, есть предел насилию тиранов!
Когда жестоко поправаны права
И бремя нестерпимо, к небесам
Бестрепетно взывает угнетенный.
Там подтвержденье прав находит он,
Что, неотъемлемы и нерушимы,
Как звезды, человечеству сияют.
Вернется вновь та давняя пора,
Когда повсюду равенство царило.
Но, если все испробованы средства,
Тогда разящий остается меч.
Мы блага высшие имеем право
Оборонять. За родину стоим,
Стоим за наших жен и за детей!

Все

(звонят мечами)

Стоим за наших жен и за детей!

Рёссельман

(выходит на середину круга)

Но, прежде чем хвататься за мечи,
Не лучше ль нам с австрийцами поладить?
Одно лишь ваше слово, и тираны
Не притеснять — потворствовать вам будут...
С империей, как вам велят, порвите,
Власть Австрии признайте над собой...

Мауер

Что он сказал? Австрийцам присягнуть!

Бюгель

Не слушайте его!

Винкельрид

Предатель он,
Отчизне нашей враг!

Рединг

Друзья, спокойно!

Сева

Какой позор — австрийцам присягнуть!

Флюе

Позволить силой взять, чего добром
Отдать им не хотели!

Майер

О, тогда
Рабы мы все — и рабство заслужили!

Мауер

Пусть будет прав швейцарца тот лишен,
Кто Австрии поддаться нам предложит!
Я твердо, старшина, стою на том,
Чтоб это первым стало здесь законом.

Мельхталь

Да, кто предаться Австрии предложит,
Пускай лишится почестей и прав
И пусть никто не даст ему приюта.

Все

(поднимая правую руку)

Принять такой закон!

Рединг

(помолчав)

Да будет так!

Рёссельман

Свободны вы, приняв такой закон.
И Австрия насильем не добьется
Того, что мы добром ей не отдали...

Иост Вайлер

Приступим к делу, далее!

Рединг

Друзья!

А до конца ль изведан мирный путь?
Быть может, Альбрехт Габсбург и не знает,
Что здесь его наместники творят?
Испробуем последнее: к монарху
Мы с жалобой еще раз обратимся.
Откажет — что ж, возьмемся за мечи!
Страшит насилье даже в правом деле.
Поможет бог, где люди не помогут.

Штауффахер

(Конраду Гунну)

Теперь пора и вам заговорить.

Конрад Гунн

Я в Райнфельд ездил, к Альбрехта двору,
На тяжкий гнет пожаловаться фохтов
И вольностей старинных подтвержденье
От государя нового принять.

Послы от многих городов там были,
Из Швабии да из земель прирейнских,
И все они уже достали льготы
И возвращались весело домой.
Но *ваш* посол к советникам был вызван,
И те ему сказали в утешенье:
«Вы поезжайте, император занят,
В другое время вспомнит он о вас».
Я проходил в унынии по залам,
Вдруг вижу — герцог Иоганн в сторонке
Стоит и слезы льет, а рядом с ним
Два рыцаря: фон Тегерфельд и Варт.
И, подозревав меня, они сказали:
«Надейтесь только на себя! А правды
От Альбрехта вам нечего и ждать.
Не он ли у племянника родного
Наследье материнское похитил?
Наш герцог совершеннолетен, может
И сам своей страной управлять.
Но не венец — венок ему дал Альбрехт:
«Пусть это будет юности убором...»

Мауер

Слыхали? Справедливости не ждите
От Габсбурга! Надейтесь на себя!

Рединг

Нет выбора другого. Как же нам
Разумно цели радостной достигнуть?

Вальтер Фюрст

(выходит на середину круга)

Цель наша — свергнуть ненавистный гнет
И отстоять старинные права,
Завещанные предками. Но мы
Не гонимся разнузданно за новым.
Вы кесарево кесарю отдайте,
И пусть вассал несет свой долг, как прежде.

Майер

От Австрии свой лен я получил.

Р е д и н г

И продолжайте долг блюсти пред нею.

И о с т В а й л е р

Я Рапперсвейлям подати плачу.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Платите им, как вы всегда платили.

Р ё с с е л ь м а н

Я цюрихской обители дал клятву.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Церковное вы церкви отдавайте.

Ш т а у ф ф а х е р

Империя дала мне в лен мой двор.

В а л ь т е р Ф ю р с т

Что быть должно, да будет, но не свыше!
Мы фохтов из страны должны прогнать
С их слугами и крепости разрушить, —
Без крови, если можно. Император
Пусть видит: нас заставила нужда
Нарушить нами данную присягу.
И, если мы в узде себя удержим,
Он гнев смирит как мудрый государь.
Народ себя заставит уважать,
Коль, взявши меч, *умеренность* проявит.

Р е д и н г

Но как, ответьте, к делу приступить?
Ведь у врага оружие в руках,
И он, конечно, не уйдет без боя.

Ш т а у ф ф а х е р

Уйдет, когда перед собою вдруг
Увидит он народ вооруженный.

М а й е р

Сказать легко, да сделать мудрено.
Два крепких замка высятся в стране
Как вражеский оплот, — он станет грозен,

Когда войска австрийцев подойдут.
Так Росберг взять и Сарнен мы должны
До той поры, как весь народ восстанет.

Штауффахер

Не медлите, чтоб враг не принял мер, —
Участников немало в нашей тайне.

Майер

Предателей в народе нашем нет.

Рёссельман

Случается, благое рвенье губит.

Вальтер Фюрст

Отсрочка тем нехороша, что фохт
Успеет крепость в Альторфе построить.

Майер

Вы о себе лишь помните.

Петерман

Неправда.

Майер

Неправдою нас Ури попрекает?

Рединг

Во имя клятвы, тише!

Майер

Замолчать

Придется нам, коль Швиц — горой за Ури.

Рединг

Я осудить пред общиной вас должен —
Горячностью вы вносите разлад!
Не за одно ли дело мы стоим?

Винкельрид

Нам отложить до рождества бы нало,
Когда велит обычай поселянам
Подарки фохту в замок приносить.

Туда могло бы человек двенадцать
Проникнуть, не внушая подозрений,
Отточенные взяв с собой клинки,
Их надо тайно в посохи заделать —
С оружием не пропускают в крепость.
Вблизи, под лесом, спрячется отряд,
И только поселяне завладеют
Воротами — рог затрубит призывный
И вся засада бросится на помощь.
И после легкой схватки — замок наш.

Мельхаль

А в крепость Росберг я готов проникнуть.
Я там одной служанке приглянулся —
Нетрудно мне уговорить ее,
Чтоб лестницу она в окно спустила.
А как взберусь — за мной друзья ворвутся!

Рединг

Так все за то, что надо отложить?
Большинство поднимает руки.

Штауффахер (сосчитав голоса)

Двенадцать против, двадцать за отсрочку!

Вальтер Фюрст

Так если в день условленный падут
Два замка, то сигнальные огни
Зажгутся на вершинах гор. Тогда
Народное сзывайте ополчение.
И фохты, увидав, что не шутя
Швейцарцы за оружие взялись,
Страну покинут без кровопролитья.
Мы им дадим надежную охрану.

Штауффахер

Но с Геслером нам справиться труднее.
Всегда он сильной стражей окружен
И без кровопролитья не отступит.
В изгнанье даже страшен он стране.
Щадить его, я думаю, опасно.

Баумгартен

Где гибель ждет, туда *меня* пошлите.
Я жизнь свою, спасенную мне Теллем,
За край родной бестрепетно отдам.
Честь защитив, я сердце успокоил.

Реддинг

Нас время умудрит. Друзья, терпенье!
Всего сейчас предусмотреть нельзя.
Меж тем как мы ночной совет держали,
Вот утро на вершинах гор зажгло
Багряные сигнальные огни...
Расстанемся до наступленья дня.

Вальтер Фюрст

Забрезжит день внизу еще не скоро.
Все невольно снимают шляпы и благоговейно смотрят на зарю.

Рёссельман

При свете, что привет нам раньше шлет,
Чем племенам, которые под нами
Живут в чаду и шуме городов,
Скрепим мы клятвой новый наш союз:
«Да будем мы народом граждан-братьев,
В грозе, в беде единым, нераздельным!»

Все повторяют, поднимая правую руку с тремя поднятыми вверх пальцами.

«Да будем мы свободными, как предки,
И смерть пусть каждый рабству предпочтет!»

Все повторяют с тем же самым жестом.

«На бога да возложим упование
Без страха пред могуществом людей!»

Так же, как выше. Все обнимают друг друга.

Штауффахер

Ну, а теперь ступай без шуму каждый
Своей дорогой к близким и родным.
Пастух, смотри за стадом на зимовке
И сотоварищей вербуй в союз!
До срока терпеливо всё снесите.

Пускай тиранов множится вина:
Настанет день, и с ними мы сведем
И личный свой и общий счет — народный
Законный гнев свой каждый обуздай
И береги для всенародной мести;
Она — наш долг, его не умаляй
Деяньями в защиту личной чести.

Когда все в полной тишине расходятся в разные стороны, звуки оркестра
врываються со все возрастающей силой. Над опустевшей сценой занавес
опускается не сразу. Солище всходит над ледяными вершинами гор.

Телл
Ви

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Двор при доме Телля.

Телль плотничает. Гедвига занята домашней работой. Вальтер и Вильгельм в глубине сцены играют маленьким самострелом.

Вальтер

(поет)

Метки горца стрелы,
Верен луг тугой,
Вот идет он смело
По тропе крутой.

В синие просторы
Дерзко он пришел,
Где орлы да горы,
Где он сам — орел!

Пролетит ли птица,
Зверь ли пробежит —
Вмиг стрела помчится,
Молнией сразит.

(Подбегает к отцу.)

Поправь, отец! Порвалась тетива.

Телль

Ну нет, стрелок поправить должен сам.

Мальчики уходят.

Гедвига

Как рано дети учатся стрелять!

Телль

Кто сызмала начнет, тот мастер будет.

Гедвига

Дай бог не знать такого мастерства!

Телль

Все надо знать им. Тот, кто хочет в жизни
Пробиться, должен быть вооружен
И для защиты и для нападения.

Гедвига

Прощай семья, покой...

Телль

Покой мне чужд.
Я не рожден быть пастухом. Я должен
За целью ускользающею гнаться;

И лишь тогда мне наслаждение жизнь,
Когда в борьбе проходит каждый день.

Гедвига

А я одна, с детьми оставшись дома,
Тебя в тоскливом страхе поджидаю!
И с ужасом я слушаю рассказы
О ваших дерзких подвигах в горах.
А при разлуке замирает сердце —
Боюсь, тебя я больше не увижу.
Мне чудится — меж диких вечных льдов
Ты, оступившись, падаешь с утеса.
Иль вижу я, ты серну сшиб — и в пропасть
Она тебя с собою увлекает.
Иль вдруг тебя засыпало лавиной,
Вдруг под тобой коварный треснул лед...
И ты летишь в ужасную могилу,
Чтоб заживо быть в ней похороненным.
Ах, сотни раз меняя облик свой,
Смерть мчится за охотником в горах!
Какой злосчастный промысел — он вас
На край бездонной пропасти приводит!

Телль

Кто ловок, осмотрителен, силен,
На бога уповает, тот легко
Беду любую побороть сумеет.
Природным горцам горы не страшны.

(Окончив работу, убирает инструмент.)

Ну, я на годы починил ворота.
Коль есть топор, мне плотник ни к чему.

(Берет шляпу.)

Гедвига

Куда опять собрался?

Телль

В Альторф, к тестю.

Гедвига

Во что-нибудь опасное ввязаться?

Телль

С чего взяла ты это?

Гедвига

Твердо знаю:
Есть заговор какой-то против фохтов...
На Рютли был совет. Ты заодно.

Телль

Я не был там... Но, если кликнет клич
Моя страна, я ей не изменю.

Гедвига

Тебе укажут место поопасней —
Что потрудней, достанется тебе.

Телль

По силам долг на каждого возложат.

Гедвига

Недавно унтервальденца в грозу
Ты от погони спас... Вы уцелели,
Должно быть, чудом... Как ты не подумал
О детях и жене?

Телль

О вас я думал —
Вот почему я детям спас отца!

Гедвига

По разъяренным волнам плыть! Ты бога
Таким поступком дерзким искушал!

Телль

Раздумывая, много не свершишь.

Гедвига

Ты выручить всегда готов другого,
А попадешь в беду, так не помогут.

Телль

Бог даст, и сами справимся с бедой!

(Берет свой самострел и две стрелы.)

Гедвига

Зачем ты лук берешь с собой? Оставь!

Телль

Я как без рук, когда он не при мне.

Мальчики возвращаются.

Вальтер

Отец, куда ты?

Телль

К дедушке, сынок...

Ты не пойдешь со мной?

Вальтер

Пойду, конечно!

Гедвига

Сейчас там Геслер. В Альторф не ходи!

Телль

Он к вечеру отправится.

Гедвига

Так выжди!

Он зол на нас. С ним лучше не встречаться.

Телль

Мне мало дела, зол он или нет.

Живу я честно — что мне до врагов!

Гедвига

Сильней всего он честных ненавидит.

Телль

Не потому ль, что к ним нельзя придаться?..

Но думаю, меня не тронет он.

Гедвига

Ты почему так думаешь?

Телль

Недавно

Охотился я в Шехенском ущелье;
Там редко след увидишь человека.
Я шел пустынной горною тропой,
Где встречным трудно разминуться. Прямо
Над головой моей скала нависла,
А подо мной ревел сердито Шехен.

Мальчики прильнули к нему справа и слева и смотрят на него с напряженным любопытством.

Вдруг мне навстречу Геслер. Он один,
Без провожатых, был, и я один.
Лицом к лицу стоим, а рядом — пропасть.
Заметив, он тотчас меня узнал;
Ведь незадолго перед тем сурово
За суший вздор он наказал меня.
И видит он, я перед ним стою
С отличным самострелом. Он смутился
И побледнел, колени задрожали...
Миг, только миг — и упадет с утеса!
Так жалок он мне стал, что подошел
Почтительно к нему я со словами:
«Ведь это Телль... Телль, господин ландфохт».
Он ничего на это, лишь рукой
Мне подал знак идти своей дорогой.
Уйдя, я свиту вслед за ним послал.

Гедвига

Он задрожал перед тобой... Смотри!
Позора он вовек не позабудет.

Телль

Я встречи не ищу. И он не ищет.

Гедвига

Останься. Иль ступай-ка на охоту.

Телль

Да что с тобой?

Гедвига

Не по себе мне, Телль.

Телль

Зачем себя ты мучишь без причины?

Гедвига

Пусть без причины... Но останься, Телль.

Телль

Я, дорогая, слово дал прийти.

Гедвига

Ты должен — что ж, иди... Оставь мне сына!

Вальтер

Нет, мама, я хочу пойти с отцом.

Гедвига

Ты хочешь мать свою покинуть, Вельти?

Вальтер

Подарок я от деда принесу.

(Уходит с отцом.)

Вильгельм

Но я с тобою, мама!

Гедвига

(обнимая его)

Милый мой,

Хоть ты еще остался у меня!

(Идет к воротам и долгим взглядом провожает уходящих.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дикое, уединенное место в лесу.

С утесов низвергаются ручьи, над которыми радугой переливается на уступах водяная пыль.

Берта в охотничьем костюме. Вслед за нею Руденц.

Берта

Идет сюда. Мы сможем объясниться.

Руденц

(быстро входит)

Ах, наконец-то мы наедине!
Свой приговор произнесите мне.
Мы без свидетелей, в лесной глуши, —
Я сердце облегчу в ее тиши.

Берта

Но далеко ль охотники отсюда?

Руденц

Там, далеко... Теперь иль никогда!
Я дорогóй воспользуюсь минутой —
Судьба моя должна решиться тут,
Хотя бы я навеки вас лишился.
Но почему обычно кроткий взгляд
Так строго на меня вы устремили?..
Кто я такой, чтоб смел о вас мечтать?
Меня еще не увенчала слава,
Мне далеко до рыцарей, что вас,
Овеянные славой, окружают.
Любовь и верность — все, чем я богат...

Берта

(со строгой важностью)

Вы о любви и верности твердите,
Готовясь изменить святому долгу?

Руденц отступает.

Раб Австрии, продавшийся врагам
И палачам отчизны угнетенной!

Руденц

Но от кого такой упрек я слышу?
Кого я, кроме вас, у них искал?

Берта

Так вы среди изменников меня
Надеялись найти? Скорей бы руку
Я Геслеру-тирану отдала,

Чем отщепенцу родины своей,
Орудию слепому чужеземцев!

Руденц

О, что я слышу? Боже!

Берта

Разве есть
Милей отчизны что-нибудь на свете?
Есть разве долг прекрасней, благородней,
Чем быть щитом безвинного народа
И угнетенных защищать права?
Душа моя скорбит за ваш народ,
Я с ним страдаю заодно; ведь я
Люблю его — он кроток, хоть могуч.
Всем сердцем я привязана к нему
И с каждым днем все больше уважаю.
А вы, кого ваш прирожденный долг
В защитники предназначал народу,
Вы *бросили* его, врагам предались
И с ними цепи родине куете!
Мне больно, я от ненависти к вам
С трудом свое удерживаю сердце.

Руденц

А я народу блага не хочу?
Ему под мощным скипетром австрийским
Мир...

Берта

Рабство вы готовите ему!
Ваш край — последний на земле оплот
Свободы, вы изгнать ее хотите!
Где счастье для народа, лучше видит
Он сам, его спасает здравый смысл.
А вы в тенета с головой попали...

Руденц

Я ненависть, презренье заслужил?

Берта

О, если б так! Но видеть *вас* достойным
Презренья, *видеть*, как вас презирают,
Когда б любить вас...

Руденц

Берта! Берта! Вы
То радостью поманите небесной,
То свергнете вдруг с высоты чудесной.

Берта

Нет, нет, в вас благородство не угасло,
Оно лишь дремлет — разбужу его!
Напрасно вы хотели заглушить
В себе к добру врожденное стремленье,
На благо вам, оно сильней, чем вы, —
Наперекор себе вы благородны.

Руденц

Вы верите еще в меня! О Берта,
С любовью вашей стать могу я всем!

Берта

Природе вашей верность сохраните.
Займите вам назначенное место!
За свой народ, за родину вступитесь,
Сразитесь за святыне их права!

Руденц

О горе! Разве вас я не лишусь,
Когда я против Австрии восстану?
Ведь вы в руках своих родных — они
Насильно замуж выдать вас хотят.

Берта

В лесных кантонах все мои владенья, —
Швейцарца вольность станет и моей.

Руденц

Ах, до чего все ясно мне теперь!

Берта

Моей руки добиться не надейтесь
По милости австрийцев! Нет, немало
Охотников там до моих поместий.
Они и вашей родине грозят,
Захватчики без совести и чести!
О друг, я жертвой быть обречена.

Чтоб мною фаворита наградить,
Средь лжи двора меня заставят жить.
Печальная мне доля суждена:
Брак ненавистный мне скует оковы.
Спасайте же меня — для жизни новой!

Руденц

Так вы решились бы остаться здесь,
Моей женою быть в моей отчизне?
О Берта, целью всех моих стремлений,
Моих надежд ведь были только вы!
Я ради вас спешил на поле славы,
Из-за любви о почестях мечтал.
Но, если здесь, в долине безмятежной,
Решитесь поселиться вы со мной,
Блестящий свет покинув, я — у цели.
И пусть тогда в гранитные твердыни
Чужая жизнь бьет яростной волной!
Меня желанье прежде искушало
Уйти в тот мир, в обманчивую даль.
Теперь пускай вокруг сомкнутся скалы
Глухой стеной — мне ничего не жаль.
Нас ждет в долине эгой сокровенной,
Открытой небу, счастье всей вселенной!

Берта

Таким тебя я видела в мечтах.
Я верила в тебя — и не ошиблась!

Руденц

Теперь конец коварным обольщеньям —
На родине я счастье обрету!
Здесь мальчиком я расцветал беспечно,
Здесь радости пленяют нас былые,
Тут шум ручьев и сосны вековые...
В моей отчизне станешь ты моей!
О, я всегда любил свой край! А радость
На родине любая нам милей.

Берта

Где ж, как не здесь, тот остров благодатный,
Невинности давно желанный край,
Где древней верности заветы живы,
Где лицемерье не свило гнезда...

Тут зависть не отравит счастья нам,
И безмятежные нас ждут года.
И вижу я *тебя* в расцвете сил,
И первый ты средь равных и свободных;
Любовь народную ты заслужил
Величием деяний благородных.

Руденц

И вижу я тебя, всех жен венец,
Заботливой и нежною подругой.
Блаженством упоен былой слепец,
Мне жизнь — весна, с тобой, моей супругой.
Ты всюду прелесть вносишь, милый друг,
И все живишь и радуешь вокруг!

Берта

Мой милый, горько было убеждаться,
Что это счастье высшее ты губишь...
Не тяжело ль мне было бы, мой друг,
Последовать за рыцарем надменным,
Губителем страны, в угрюмый замок!
Тут замков нет — меж нами и народом
Нет крепостной стены. И впредь ему
Мы оба служим!

Руденц

Как же сбросить петлю?
Ах, сам ее надел я на себя!

Берта

И сам без колебанья разорви!
Что б ни было... с народом оставайся!
Ты к этому рождением предназначен.

Издали доносится звук охотничьих рогов.

Трубят... Прощай... Так помни, что, сразившись
За родину, ты за любовь сразишься.
У нас и у отчизны — *враг один*;
Ее *свобода* — каждого свобода.

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Луг возле Альторфа.

На переднем плане — деревья. В глубине на шесте висит шляпа. Перспектива замыкается покрытой заповедным лесом горой, над которой высится цепь снежных вершин.

Фрисгард и Лейтхольд стоят на страже.

Фрисгард

Мы караулим зря. Никто сюда
Отдать почтенье шляпе не заходит.
Бывало, как на ярмарке, народ
Толпился здесь. Но стал пустыней луг,
Когда на жерди чучело повисло.

Лейтхольд

К досаде нашей, только сброд один
В дырявых шапках мимо нас проходит.
А кто почтенней, те скорее крюку
Изрядного дадут, чтоб мимо шляпы
Не проходить и спин пред ней не гнуть.

Фрисгард

А все ж по этой площади сегодня
Из ратуши пришлось идти народу.
Ну, думаю, улов богатый будет —
Ведь никому до шляпы дела нет.
Но Рёссельман, их поп, увидев это —
Как раз он шел с причастьем от больного, —
У нашей шляпы вдруг остановился...
Псаломщик в колокольчик зазвонил...
И на колени стали все, я тоже —
Перед причастьем, но не перед шляпой.

Лейтхольд

Позорный столб для нас самих, приятель,
Вот этот шест с напыленной шляпой.
Ведь это срам для доброго вояки —
Быть на посту перед пустою шляпой.
За это все нас вправе презирать.
Отвешивать поклоны перед шляпой —
Поверь! — дурацкий это, брат, приказ!

Фрисгард

Ну, вот еще, перед пустою шляпой!
Ты ж кланяешься голове пустой?

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета входят с детьми и
становятся вокруг шеста.

Лейтхольд

Эх, вижу я, ты подслужиться хочешь
И добрый люд вовлечь в беду ты рад.
По мне, иди кто хочет мимо шляпы,
А я на все смотреть сквозь пальцы буду.

Мехтгильда

Вон фохт висит! Почтенья больше, дети!

Эльсбета

Убраться бы ему, оставив шляпу.
Поверь, не хуже было бы стране!

Фрисгард

(прогоняя их)

Вы здесь зачем? Проваливайте! Живо!
Кто звал вас? Вы мужей сюда пришлите,
Их подстрекнув не выполнять приказ!

Женщины уходят. Входит Телль с самострелом, ведя сына за руку. Они
идут на авансцену, не обращая внимания на шляпу.

Вальтер

*(показывает на гору, покрытую заповедным
лесом)*

Не правда ли, отец, там, на горе,
Как топором по дереву ударишь,
Из раны брызнет кровь?

Телль

А кто сказал?

Вальтер

Пастух... Там заколдованы деревья.
И говорят, у тех, кто им вредил,
Одна рука из гроба прорастала.

Телль

Неправда, это заповедный лес.
Вон видишь там вершины снеговые,
Те, что уходят ввысь, за облака?

Вальтер

То ледники. Они гремят ночами.
На нас оттуда катятся лавины.

Телль

Так вот, давно б тяжелые лавины
Засыпали селенье наше Альторф,
Но, будто всенародным ополчением,
Встречает их наш заповедный лес.

Вальтер

(немного подумав)

А есть края, где нет ни скал, ни гор?

Телль

Спускаясь с наших гор все ниже, ниже,
Теченью следуя потоков бурных,
Доходишь до равнины необъятной,
Где, пенясь, не шумят лесные воды,
Но реки тихо, безмятежно льются;
Там ширь спокойная иной природы,
Куда хватает глаз — повсюду нивы,
И вся страна как сад большой, красивый.

Вальтер

Так почему, отец, мы не сойдем
Скорее вниз, в ту чудную страну,
Чем жить в напрасных муках и тревоге?

Телль

Прекрасен тот благословенный край!
Но те, кто там возделывает землю,
Не пользуются жатвой...

Вальтер

Не живут
Свободно на своей земле, как ты?

Телль

Там вся земля — у короля и церкви.

Вальтер

Но ведь в лесах охотятся свободно?

Телль

Пернатые и зверь — добро господ.

Вальтер

Но в реках-то свободно ловят рыбу?

Телль

Река и море, соль — все короля.

Вальтер

Кто ж этот страшный каждому король?

Телль

Он подданных защитник и кормилец.

Вальтер

Что ж, сами защитить себя не могут?

Телль

Сосед соседу там не доверяет.

Вальтер

В стране широкой тесно будет мне.
Уж лучше пусть над головой лавины.

Телль

Да, это правда. Лучше за спиной
Пусть будут ледники, чем злые люди.

Хотят пройти мимо.

Вальтер

Отец, гляди-ка, шляпа на шесте!

Телль

Что нам до шляпы? Поспешим, сынок!

(Хочет идти.)

Фрисгард преграждает ему копьём дорогу.

Ф р и с г а р д

Во имя императора! Ни с места!

Т е л л ь

(хватаясь за копье)

Да что вам нужно? Что все это значит?

Ф р и с г а р д

Приказ нарушен. Следуйте за нами.

Л ё й т х о л ь д

Почтения не отдали вы шляпе.

Т е л л ь

Пусти, приятель!

Ф р и с г а р д

Нет, в тюрьму! В тюрьму!

В а л ь т е р

Отца в тюрьму? На помощь! Помогите!

(Кричит за сцену.)

Скорее, люди добрые, сюда!

Насилие! Отца в тюрьму уводят!

Священник Рёссельман и псаломщик Петерман появляются с
тремя поселянами.

П е т е р м а н

Что тут стряслось?

Р ё с с е л ь м а н

Зачем его ты держишь?

Ф р и с г а р д

Изменник он и государю враг.

Т е л л ь

(хватает его)

Изменник? Я?

Р ё с с е л ь м а н

Да ты взглядишь, приятель!

Ведь это Телль — достойный гражданин.

Вальтер

(замечает Вальтера Фюрста и
устремляется к нему навстречу)

Отца схватили! Дедушка, на помощь!

Фрисгард

В тюрьму его!

Вальтер Фюрст

(подбегает)

Я за него ручаюсь!
Что тут случилось? Ради бога, Телль!..

Входят Мельхталь и Штауффахер.

Фрисгард

Он власть ландфохта признавать не хочет.
Ослушник этот его пренебрег.

Штауффахер

Так в этом провинился Телль?

Мельхталь

Ты лжешь!

Лёйтхольд

Почтенья шляпе он не оказал.

Вальтер Фюрст

Так вот за что его в тюрьму? Приятель,
Я за него ручаюсь, отпусти!

Фрисгард

Ты за свою, старик, ручайся шкуру!
Мы делаем, что служба нам велит.

Мельхталь

(поселянам)

Да это вопиющее насилие!
Неужто нагло уведут его?

Петерман

Нет, мы сильнее! Друзья, не выдавать!
Один за всех — и все за одного!

Фрисгард

Так вы приказу фохта непослушны?

Трое поселян

(подбегая)

Мы на подмогу! Что тут? Измолотим!

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета возвращаются.

Телль

Я справлюсь, люди добрые. Ступайте!
Когда я к силе захочу прибегнуть,
Вы думаете, копий устрасусь?

Мельхталь

(Фрисгарду)

Посмей-ка увести его от нас!

Вальтер Фюрст и Штауффахер

Оставьте! Тише!

Фрисгард

(кричит)

Бунт! Мятеж, мятеж!

Слышны схотничьи рога.

Женщины

Наместник Геслер едет!

Фрисгард

(еще громче)

Бунт! Мятеж!

Штауффахер

Кричи, подлец, хоть лопни!

Рёссельман и Мельхталь

Замолчишь ты?

Фрисгард

(во все горло)

Сюда, слуге закона помогите!

Вальтер Фюрст

Вот сам наместник. Что-то с нами будет?

Геслер верхом, с соколом на руке, Рудольф Гаррас, Берта, Руденц и вооруженная охрана из наемников. На сцене образуется круг из копий.

Рудольф Гаррас

Дорогу фохту дайте!

Геслер

Разогнать их!

Что за толпа? Кто призывал на помощь?

Все молчат.

Ну, кто же? Отвечайте мне!

(Фрисгарду.)

Вперед!

Кто ты такой? А он в чем провинился?

(Передает сокола слуге.)

Фрисгард

О господин, я верный воин твой
И часовым поставлен здесь, у шляпы.
А этот мной сейчас изобличен:
Он шляпе отказался поклониться
И по приказу мною был задержан,
Но чернь отбить преступника хотела.

Геслер

(помолчав)

Неужто императором и мной,
Ландфохтом, Телль, ты так пренебрегаешь,
Что шляпу ты не захотел почтить,
Которой я испытываю вас?
Злой умысел ты этим только выдал.

Телль

Простите, сударь! Я не из презренья —
По безрассудству ваш приказ нарушил.

Будь я другой, меня б не звали Телль *.
Помилуйте, я впредь не провинюсь.

Геслер
(помолчав)

Ты мастерски, стрелок, владеешь луком
И в меткости едва ль кому уступишь?

Вальтер
Да, это правда... С яблони собьет
Мне яблоко отец хоть в ста шагах.

Геслер
Что, это сын твой, Телль?

Телль

Да, мой сынок.

Геслер
А есть еще?

Телль
Их двое у меня.

Геслер
Которого ты сына больше любишь?

Телль
Они мне оба дороги равно.

Геслер
Ну, если с яблони ты в ста шагах
Сбиваешь яблоко, то покажи мне
Свое искусство, Телль... Возьми свой лук...
Да при тебе он, впрочем... С головы
Сшиби у сына яблоко стрелой...
Но только ты получше целься, Телль,
И первой же стрелою попади;
А промахнулся — с жизнью распростишься.

Все поражены ужасом.

Телль
Чудовищный вы отдали приказ...
Неужто вправду?.. С головы сыновней...
Нет, сударь, нет, вам это не могло
Прийти на ум... Нет, боже упаси
Такой приказ всерьез отдать отцу!

Г е с л е р

Ты яблоко у сына с головы
Собьешь сейчас, как я того хочу.

Т е л л ь

Чтоб в голову родного сына метил
Родной отец?.. О нет, уж лучше смерть!

Г е с л е р

Стреляй, не то погибнешь *ты и сын твой!*

Т е л л ь

Мне стать убийцей своего ребенка?
Как видно, нет у вас детей... Понять
Вам не дано родительское сердце.

Г е с л е р

Э, Телль, как ты вдруг стал благоразумен!
А говорят, что ты большой мечтатель,
Живешь не так, как все другие люди.
Что почудней ты любишь... оттого
Я по тебе такой и подвиг выбрал.
Там, где другой задумается, ты,
Закрыв глаза, решаешься на все.

Б е р т а

О, не шутите так с народом, сударь!
Они бледны, дрожат... Им непривычно
Затейливые шутки ваши слушать.

Г е с л е р

А кто сказал вам, будто я шучу?
(Срывает яблоко с висящей над ним
ветки.)

Вот яблоко... Живей! Посторонитесь!
Шаги отмерить!.. Восемьдесят хватит...
Ни больше и ни меньше... Он хвалился,
Что в ста шагах сразит любую цель...
Ну, так стреляй, — смотри ж, не промахнись!

Р у д о л ь ф Г а р р а с

О боже!.. Это уж не шутка... Мальчик,
Ты на коленях вымоли пощаду!

Вальтер Фюрст

(тихо Мельхталю, который с трудом
сдерживается)

Сдержитесь, Мельхталь, я вас умоляю!

Берта

(ландфохту)

Довольно, сударь! Ах, бесчеловечно
Отцовским сердцем так играть! Уж если
Бедняга за проступок свой ничтожный
И должен быть казнен, то он, о боже,
Десятикратно муки смерти вынес.
Пусть невредим он в хижину свою
Вернется. Вас он знает! Этот час
И Телль и внуки Телля не забудут.

Геслер

Эй, расступитесь!.. Отчего ты медлишь?
Ты виноваг, тебя казнить я вправе;
Но милостиво, Телль, твою судьбу
Искусству рук твоих же я вверяю.
Нельзя роптать на приговор суровый
Тому, кто сам своей судьбы хозяин.
Ты метким глазом похвалялся. Ладно!
Так покажи, *стрелок*, свое искусство;
Достойна цель, награда велика!
Попасть стрелою в черный круг мишени
Сумеет и *другой*, но мастер тот,
Кого не подведет его искусство,
Чей верен глаз и чья рука не дрогнет.

Вальтер Фюрст

(бросаясь перед Геслером на колени)

О господин наместник, мы вас чтим,
Но пощадите! Я вам половину
Отдам добра, возьмите даже все,
Но вы отца от страшных мук избавьте!

Вальтер Телль

Ах, дедушка, ты перед ним не падай!
Он злой. Ну, где мне стать? Я не робею.
Ведь мой отец бьет птицу на лету, —
Он сердце не пронзит родного сына.

Штауффахер

И вас не тронет детская невинность?

Рёссельман

Есть бог на небесах, и перед ним
В своих делах дадите вы отчет!

Геслер

(указывая на мальчика)

Его вон к той привязывайте липе.

Вальтер Телль

Привязывать? Меня? Я не хочу!
Я, как ягненок, тихо, чуть дыша,
Стоять там буду. Если же меня
Привяжете, я стану отбиваться.

Рудольф Гаррас

Дай, мальчик, завязать себе глаза.

Вальтер Телль

Глаза? Ну нет! Неужто испугаюсь
Стрелы отца, что полетит в меня?..
Я буду ждать и глазом не моргну.
Узнает он, какой стрелок отец!
Не верит изверг, погубить нас хочет...
Назло ему стреляй и попади!

(Идет к липе.)

Ему на голову кладут яблоко.

Мельхталь

(поселянам)

Как! На глазах пред нами совершится
Злодейство это? Где же наша клятва?

Штауффахер

Напрасно всё! При нас оружия нет.
Мы лесом копий тут окружены.

Мельхталь

Зачем мы сразу не взялись за дело?
Прости, господь, отсрочку предложившим!

Г е с л е р

(Теллю)

Скорей же! Зря оружие не носят.
Опасно с ним ходить везде и всюду, —
Стрела, отпрянув, поразит стрелка.
Такая дерзость поселян — обида
Верховному властителю страны.
Лишь господа ходить с оружием вправе.
Вы лук и стрелы любите носить —
Пусть так, но вот тебе для них мишень.

Т е л л ь

(натягивает лук и закладывает стрелу)

Посторонитесь, люди!

Ш т а у ф ф а х е р

Что вы, Телль!

Хотите... Нет!.. Вы так возбуждены,
Колени гнутся, и рука дрожит...

Т е л л ь

(опуская лук)

В глазах мутится!

Ж е н щ и н ы

Боже всемогущий!

Т е л л ь

(ландфохту)

Не буду я стрелять — вот грудь моя!
(Обнажает грудь.)

Пронзить ее велите вашей страже!

Г е с л е р

Не жизнь твоя, но выстрел твой мне нужен...
Ты духом тверд. На все готов дерзать!
Отлично ты владеешь самострелом.
За руль берешься, не страшась грозы.
Спасай теперь себя... спаситель всех!

Телль стоит, и по всему видно, что он испытывает страшную внутреннюю борьбу. Руки его дрожат, блуждающий взор то обращен на ландфолта, то устремлен к небу. Вдруг он хватает свой колчан, выдергивает оттуда еще одну стрелу и прячет ее за пазуху. Геслер следит за всеми его движениями.

Вальтер Телль

(под липой)

Стреляй, отец! Я не боюсь!

Телль

Что ж, надо!

(Овладевает собой и начинает целиться.)

Руденц

(все время стоявший в напряженном ожидании и с трудом сдерживавший себя, выступает вперед)

Довольно, фохт! Прошу вас, прекратите...

Все это было только испытанием...

Вы своего добились... Но суровость

Излишняя вредит разумной цели:

Натянутый сверх меры — треснет лук.

Геслер

Прошу молчать!

Руденц

Нет! Буду говорить!

Честь Габсбургов священна для меня.

Но ненависть легко снискать насильем,

А этого не хочет император...

Жестокости такой не заслужил

Народ мой, нет у вас на это права.

Геслер

Как смее вы!

Руденц

Долго я молчал,

Бесчинства над народом наблюдая;

Я закрывал на все свои глаза

И заглушал в своей груди страданья,

Скорбь гневом переполненного сердца.

Но долее молчать изменой было б

И Габсбургам и родине моей.

Берта

(бросаясь между ландфохтом и Руденцом)

Он только пуще разъярится, Руденц!

Руденц

Я свой народ покинул, от родных
Отрекся. И естественные узы
Порвал затем, чтоб только к вам примкнуть...
Я думал благу общему помочь,
Монарха власть в моей стране усилив.
Теперь повязка с глаз моих упала,
И в ужасе над бездной я стою.
Я верил вам — и был обманут вами.
Вы сердце честное опутали... Да, я
С благою целью мой народ губил.

Геслер

И ты дерзишь так нагло господину?

Руденц

Мой господин не вы, а император...
Свободен я, и рыцарская доблесть
Моя нисколько вашей не уступит.
Во имя императора вы здесь,
И, хоть позорите вы это имя,
Я чту его, иначе бы перчатку
Я бросил вам, потребовав к ответу.
Что ж, дайте знак своей охране... я
Не безоружен, как они...

(Указывая на народ.)

Со мной

Мой добрый меч, пусть...

Штауффахер

(кричит)

Яблоко упало!

Пока всеобщее внимание было привлечено к ландфохту и Руденцу, между которыми стояла Берта, Телль пустил стрелу.

Рёссельман

А мальчик жив!

Голоса

Телль в яблоко попал!

Вальтер Фюрст, слабея, готов упасть, но Берта его поддерживает.

Геслер

(пораженный)

Как, он стрелял? Неужто? Вот безумец!

Берта

Ребенок жив!

(Вальтеру Фюрсту.)

Опомнитесь, отец!

Вальтер Телль

(подбегая с яблоком)

Вот яблоко, отец... Ведь я сказал:
Ты сына своего не можешь ранить!

Телль стоит, подавшись вперед, как бы устремившись за полетом стрелы. Самострел выпадает у него из рук. Увидев подбегającego сына, он бросается к нему с распростертыми объятиями и с жаром прижимает его к сердцу; ноги его подкашиваются, и он падает без сил. Все растроганы.

Берта

Благие небеса!

Вальтер Фюрст

(зятю и внуку)

О дети, дети!

Штауффахер

Хвала тебе, господь!

Лейтхольд

Вот это выстрел!
О нем вовек преданья не умолкнут.

Рудольф Гаррас

Рассказывать про выстрел Телля будут,
Пока стоят твердыни этих гор.

(Подает ландфохту яблоко.)

Геслер

Он в сердцевину яблока попал!
Да, выстрел меткий, надобно признаться.

Рёссельман

Хорош был выстрел. Но беда тому,
Кто милость бога дерзко искушает!

Штауффахер

Опомнитесь и встаньте, Телль. Свободу
Вы мужеством добыли. Дома ждут вас.

Рёссельман

Вы к матери скорей ведите сына!

Хотят увести его.

Геслер

Стой, Телль!

Телль

(возвращаясь)

Что вам угодно приказать?

Геслер

Ты из колчана вынул две стрелы,
Я видел сам... Зачем ты это сделал?

Телль

(в замешательстве)

Так исстари ведется у стрелков.

Геслер

Нет, я не верю твоему ответу.
Здесь умысел, как видно, был другой.
Ты мне признайся, Телль, чистосердечно:
Что б ни было, я не казню тебя.
Скажи, зачем стрелу другую спрятал?

Телль

Что ж, если вы мне жизнь дарите, сударь,
Я вам скажу всю правду, без утайки.
(Достает стрелу и устремляет на ландфохта
страшный взгляд.)

Стрелою этой я пронзил бы... вас.
Когда бы я попал в родного сына, —
И тут уж я не промахнулся б, нет!

Геслер

Ну ладно, Телль! Я жизнь тебе дарю.
Я рыцарского слова не нарушу...
Но злобные намеренья ты выдал,
И я велю тебя туда упрятать,

Где ты с луной и солнцем распростишься.
Я только так от стрел твоих спасусь.
Схватить его! Связать!

Телля связывают.

Штауффахер

Как, господин!

Вы человека бросите в темницу,
Когда его спасла рука творца?

Геслер

Посмотрим, как она спасет вторично!..
Эй, отвести его ко мне на судно!
Я сам хочу доставить Телля в Кюснахт.

Рёссельман

Что! Свой кантон насильно Телль покинет?

Поселяне

На это есть запрет. Сам император
Не вправе против грамот поступать!

Геслер

А он их подтвердил? Такую милость
Повиновеньем надо заслужить.
Бунтовщики вы против государя,
Лелеете надежду на мятеж.
Я знаю вас... я вижу вас насквозь...
Я выхватил его из всей толпы,
Но помню — все к его вине причастны.
Тот, кто умен, покорствуй и молчи.

Геслер удаляется, за ним следуют Берта, Руденц, Гаррас и
слуги. Фрисгард и Лейтхольд остаются.

Вальтер Фюрст

(с мучительной болью)

Погибло все! Фохт погубить решил
Меня со всей семьёю заодно.

Штауффахер

(Теллю)

И надо ж было изверга дразнить!

Телль

Кто сдержится, мои изведав муки?

Штауффахер

Теперь конец всему, конец! Мы все,
Вас потеряв, окованы цепями!

Крестьяне
(окружив Телля)

Теперь конец надежде нашей, Теллы!

Лейтхольд
(подойдя к Теллю)

Телль, мне вас жаль. Но долг мой —
 послушание.

Прощайте! Телль

Вальтер Телль
(в сильном горе прижимаясь к отцу)
Мой отец! Отец! Отец!

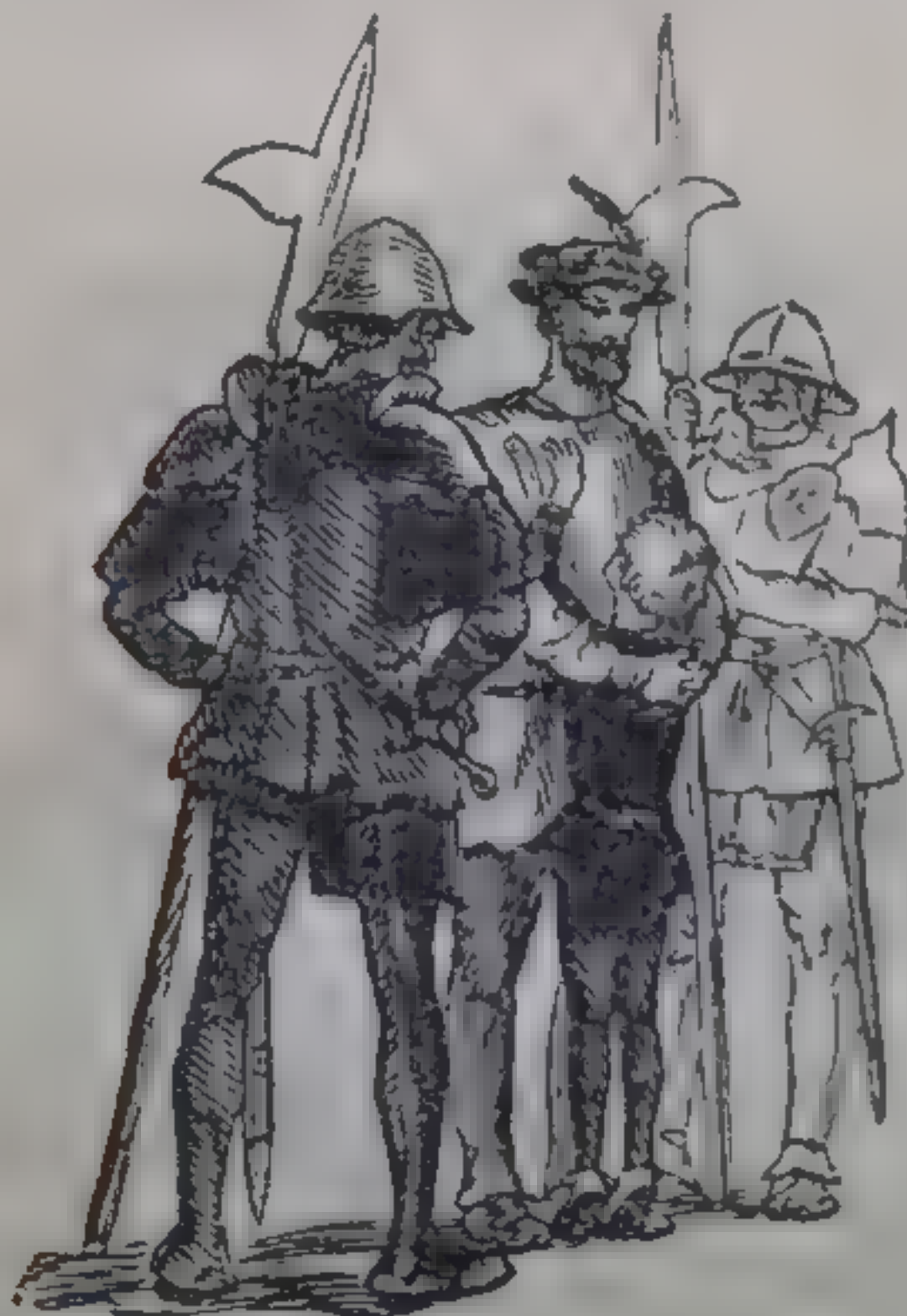
Телль
(вознеся руки к небу)

Там твой отец! Ему молись, дитя!

Штауффахер
Что вы жене хотите передать?

Телль
(с горячей нежностью прижимая сына к груди)

Сын невре́дим. А мне го́сподь по́может.
(Поки́дает их и уходи́т под стра́жей.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Восточный берег Озера Четырех Кантонов.
Причудливые крутые скалы на западе, в глубине сцены. На озере волнение. Слышен рев бушующих волн. По временам сверкает молния и гремит гром.

Кунц из Герзау. Рыбак и его сын.

Кунц

Поверите ль, я сам все это видел.
Я вам всю правду рассказал, рыбак.

Рыбак

В оковах Телль и в Кюснахт отвезен!
По доблестям — он первый в нашем крае
И вольности оплотом был бы здесь.

К у н ц

Сам Геслер с ним отправился в дорогу.
Из Флюельна они уже отплыть
Готовились, как я отчалил. Буря —
Она, глядите, вон как разыгралась —
Заставила меня сюда пристать
И, видимо, их тоже задержала.

Р ы б а к

Под стражею, у фохта в лапах Телль!
О, тот его упрячет так глубоко,
Что света солнца не видать ему!
Фохт побоится справедливой мести —
Ведь мужа он свободного разгневал!

К у н ц

Как слышно, благородный Аттинггаузен,
Наш старшина почтенный, умирает.

Р ы б а к

Надежды нашей сломан верный якорь!
Ведь только старый рыцарь без боязни
Вступался за народные права!

К у н ц

Гроза сильнее буйствует. Прощайте!
В деревне я переночую нынче.
Мне об отъезде нечего и думать.

(Уходит.)

Р ы б а к

В оковах Телль, и при смерти барон!
Наглейте же, надменные тираны!
Отбросьте стыд! Язык у правды нем,
А зоркие глаза ослеплены,
И руки, что спасти должны, — в оковах! *

М а л ь ч и к

Град сыплется, да крупный! Поскорей
Давай в шалаш укроемся, отец.

Рыбак

Бушуйте, ветры! Молнии, сверкайте!
Гремите, тучи! Затопляйте землю,
Небесные потоки. Да исчезнет
С лица земли преступный род людской!
Пусть тут царят огонь, вода и ветер!
Медведь и волк матерый, возвращайтесь
Сюда, в пустыню, — ваша вновь страна!
Не захотят здесь люди жить рабами!

Мальчик

Все злей пучина, а водоворот
И стонет и ревет как никогда!

Рыбак

Чтобы стрелу пустить в дитя родное —
Нет, к этому отцов не принуждали!
Ну как природе тут не разъяриться
И не восстать?.. О, я не удивлюсь,
Когда сорвутся в озеро утесы,
А те зубцы и башни ледяные,
Не таявшие с первых дней творенья,
Растопятся и ринутся в долины;
И горы рухнут с грохотом, а воды
Подземные вторым потоком хлынут,
И всякая земная тварь погибнет!

Слышен колокольный звон.

Мальчик

Прислушайся, на той горе звонят.
Должно быть, лодку тонущую видят —
И вот зовут молиться о несчастных.

(Взбирается на утес.)

Рыбак

Беда теперь суденышку, что там
Качается, в ужасной колыбели!
Беспомощны и руль и рулевой.
Гроза всеильна, ветер и волна
Его как мяч кидают... и вблизи
Не отыскать укромного приюта:
Повсюду лишь обрывистые скалы
Вдоль берегов, угрюмые, крутые,
Могучей грудью каменной грозят.

М а л ь ч и к

(указывая влево)

Из Флюельна идет большая лодка.

Р ы б а к

Помилуй бог несчастных! Если буря
Сюда, в залив скалистый, залетает,
То, как в железной клетке хищный зверь,
Она бушует здесь и с диким воем
Напрасно ищет выхода отсюда.
Кругом стоят суровые утесы,
Ей, разъяренной, преграждая путь.

(Поднимается на утес.)

М а л ь ч и к

Я судно фохта узнаю, отец,
По флагу и по красному навесу!

Р ы б а к

О боже правый! Сын, ты не ошибся.
Да, это фохта судно. В нем плывет
Он сам с невинной жертвою своей!
И скоро же настиг небесный мститель
Наместника — есть и над ним судья!
Веленьям фохта волны не внимают.
Пред шляпою его не склонят глав
Гранитные утесы... Не молись,
Пускай над ним свершится божий суд!

М а л ь ч и к

Не за ландfoxта я молюсь — за Телдя.
Телль вместе с ним плывет на этом судне.

Р ы б а к

Слепая, неразумная стихия!
Чтоб *одного* злодея покарать,
Ты весь корабль и рулевого губишь!

М а л ь ч и к

Смотри, они вблизи Скалистых Ребер
Прошли счастливо... Но могучий вихрь
От Чертова Собора вновь погнал
Суденышко к Большой Топор-горе...
И вот исчезли...

Рыбак

Там скала Резак.

И если обойти ее не смогут,
То разобьются об утес отвесный,
Что в страшную уходит глубину.
Но с ними в лодке рулевой отличный...
В такой беде их спас бы только Телль,
Но по рукам и по ногам он связан.

Входит Вильгельм Телль с самострелом. Он идет быстрыми шагами и с удивлением озирается вокруг; видно, что он очень взволнован. Дойдя до середины сцены, Телль бросается на землю и сначала протягивает руки вперед, а затем поднимает их к небу.

Мальчик

(замечает его)

Отец, взгляни-ка, кто там на коленях?

Рыбак

Смотри, он землю трогает руками.
Какой-то он чудной... Как не в себе.

Мальчик

(подходит ближе)

Да это, знаешь... Ты взглядишь, отец!

Рыбак

(приближаясь)

Кто это?.. Боже! Неужели Телль?
Да как вы очутились тут, скажите!

Мальчик

Вы в лодке крепко связанный лежали?

Рыбак

И в Кюснахт вас везли, ведь это правда?

Телль

(встает)

Свободен я.

Рыбак и его сын
Свободен! Вот так чудо!

М а л ь ч и к

Откуда вы сейчас?

Т е л ь

Из лодки.

Р ы б а к

Что?

М а л ь ч и к

(одновременно с отцом)

А фохт?

Т е л ь

А фохта носит по волнам.

Р ы б а к

Но как *вы*, Телль... к нам на берег попали?
Как вы спаслись от бури и от уз?

Т е л ь

Господь помог мне!.. Вот как это было.

Р ы б а к и е г о с ы н

Скорей, скорей!

Т е л ь

Известно ль вам, рыбак,

Что в Альторфе произошло?

Р ы б а к

Известно.

Т е л ь

Так фохт велел меня связать и сам
Отправиться решил со мною в Кюснахт.

Р ы б а к

Во Флюельне он с вами в лодку сел.
Мы знаем всё, Но как же вы спаслись?

Т е л ь

Я в лодке крепко связанный лежал,
Беспомощный, покинутый... И в мыслях

Я навсегда прощался с белым светом,
С женою и детьми. Я безнадежно
Смотрел вокруг на водную пустыню...

Рыбак

Бедняга!

Телль

В путь мы тронулись — ландфохт,
Его конюший Гаррас и гребцы.
А мой колчан и верный самострел
Лежали на корме у рулевого.
И вот, едва мы только поравнялись
С Меньшой Топор-горою, как внезапно
Такой жестокий, смертоносный вихрь
Примчался из ущелий Сен-Готарда,
Что у гребцов дух занялся от страха,
И всем казалось — гибель неизбежна.
Но, слышу я, один из слуг ландфохта
Так говорит ему: «Ах, ваша милость,
Попали мы в жестокую беду,
И смерть уже в глаза нам заглянула...
В смятении гребцы и рулевой,
Не знают, что им делать, растерялись,
И, видно, мало им знаком наш путь...
Но с нами Телль, силач и добрый кормчий.
Так не прибегнуть ли к нему в беде?»
Тогда сказал мне фохт: «Когда от бури
Берешься, Телль, спасти нас, я велю
Тебя от уз освободить». На это
Я отвечал: «Да, сударь, я берусь
Помочь в беде, была бы воля божья».
И вот меня от пут освободили...
Я встал за руль и смело начал править,
Но все ж на лук поглядывал украдкой
И пристально высматривал местечко
На берегу, куда б я прыгнуть мог.
И только я завидел плоский камень,
Что в озеро далеко выдается...

Рыбак

Я знаю, близ Большой Топор-горы,
Но только невозможно — так он круг —
На этот камень выпрыгнуть из лодки...

Телль

Я крикнул, чтоб сильнее налегли
Гребцы на весла, — мол, за тем утесом
От злейшей мы избавимся беды...
Когда же лодку мы к нему домчали,
Призвал я бога в помощь и плотней,
Что было сил, корму прижал к скале.
И тут, схватив колчан и самострел,
Одним прыжком я выбросился вон
На голую скалистую площадку,
При этом от себя толчком могучим
Суденышко в пучину отшвырнув, —
Пусть носится средь волн по воле божьей!
Вот как спастись мне удалось от бури
И от насилья злобного людей.

Рыбак

Ну, Телль, над вами видимое чудо
Явил господь! Я все еще не верю
Своим глазам... Скажите же, однако,
Где скрыться вы надеетесь? Беда,
Коль фохт живым уйдет от этой бури.

Телль

Когда еще я связанный лежал,
Он говорил, что в Бруннене пристанет
И через Швиц меня доставит в Кюснахт.

Рыбак

Он двинется туда по сухопутью?

Телль

Да, так он думал.

Рыбак

Скройтесь же скорей!
Вам от ландфохта дважды не спастись.

Телль

Как через Арт пройти мне ближе в Кюснахт?

Рыбак

Большой дорогой только через Штайнен.
Но этот мальчик — сын мой — вас проводит
И ближе и надежней: через Ловерц.

Телль

(пожимая ему руку)

Господь вознаградит вас. Ну, прощайте!
(Уходит, но сейчас же возвращается.)

Рыбак, а вы на Рютли присягали?
Сдается, кто-то мне вас называл...

Рыбак

Да, я там был и присягал союзу.

Телль

Тогда, мой друг, скорей ступайте в Бюрглен!
Жена моя в отчаянье. Скажите,
Что я спасен, опасность миновала.

Рыбак

Но как сказать мне ей, куда вы скрылись?

Телль

Найдете там вы Фюрста и других,
Что поклялись, тиранам всем на горе...
Пусть будут мужественны и бодры.
Свободен Телль, сильна его рука,
И обо мне они услышат вскоре.

Рыбак

Но цель у вас какая впереди?

Телль

Что вам слова — услышите о деле.

(Уходит.)

Рыбак

Ну, с богом, в путь!.. Ты, Енни, проводи.
Что б ни было, но Телль достигнет цели.

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Замок Атtingаузена.

Барон, умирающий, в кресле. Вальтер Фюрст, Штауффахер,
Мельхталь и Баумгартен хлопчут около него. Вальтер
Телль стоит на коленях перед умирающим.

Вальтер Фюрст

Все кончено. Он в вечность отошел.

Штауффахер

Он не похож на мертвого... Смотрите,
У губ его чуть зыблется перо!
Он тихо спит с приветливой улыбкой.

Баумгартен идет к дверям и с кем-то говорит.

Вальтер Фюрст

(Баумгартену)

Кто там пришел?

Баумгартен

(возвращаясь)

Там Гедвига, мать Вельти.
Она и вас и сына хочет видеть.

Вальтер Телль поднимается.

Вальтер Фюрст

Могу ль я дочь утешить... безутешный?
Ах, сколько бед на голову мою!

Гедвига

(врываясь)

Где сын мой? Ну, пустите же к нему!..

Штауффахер

Сдержите свой порыв... в жилище смерти...

Гедвига
(бросается к мальчику)

Мой Вельти! Жив!

Вальтер Телль
(обнимая ее)

Ах, бедная моя!

Гедвига
Ты вправду цел? Ты, Вальтер, невредим?
(Осматривает его с беспокойством.)

Возможно ли? Он целился в тебя?
Как только мог он? У него нет сердца...
Родному сыну в голову стрелять!

Вальтер Фюрст
Как он страдал — в нём сердце разрывалось!
Его принудил фохт под страхом смерти.

Гедвига
О, если б он был любящим отцом,
Сто раз бы умер, но стрелять не стал бы!

Штауффхер
Благодарить за все вам надо бога,
Он сына спас вам...

Гедвига
Да, но как забыть,
Чем кончиться могло б все это?.. Боже!
Живи я долгий век — все буду видеть,
Как целится отец в родного сына,
И все стрела лететь мне в сердце будет!

Мельхталь
Но как ландфохт над Теллем измывался!

Гедвига
О черствые сердца! Когда в вас гордость
Задета, все вам нипочем. Тогда
Мужчина в ярости слепой играет
И сердцем матери и жизнью сына!

Баумгартен

Легка ли участь вашего супруга,
Что вы его поносите так тяжело?
К страданиям Телля равнодушны вы?

Гедвига

*(поворачивается к Баумгартену и окидывает его суровым
взглядом)*

А у тебя для друга только слезы?..
Где были вы, когда отважный Телль
Был взят? Ну, чем ему вы помогли?
Смотрели — и злодейство совершилось.
И выхватили Телля из толпы...
А так ли с вами поступал он? Разве
Стоял он, выражая сожаленье,
Когда ландфохта стража за тобой
Гналась, а впереди тебя бурлила
Пучина разъяренная? На слезы
Он времени не тратил зря, он в лодку
Вскочил, забыв жену, детей, — и спас!..

Вальтер Фюрст

Да можно ль было выручить его
Нам, безоружной горсточке крестьян!

Гедвига

(бросается в его объятия)

Отец, отец! И ты его лишился!
Страна и весь народ его лишились!
Мы для него погибли, он — для нас.
К нему, в его подземную темницу,
Не проникает дружеское слово...
Вдруг заболит он! В гнилой тюрьме
Он может заболеть... Как роза Альп
В болотных испареньях блекнет, вянет,
Так для него без солнца жизни нет,
Без воздуха целительного гор.
В оковах! Телль! Ведь он дышал свободой!
Погибнет он, вдыхая тлен могильный!

Штауффахер

Уймите скорбы! Наступит час борьбы,
И Телля тут же мы освободим.

Г е д в и г а

Куда *вы* все годитесь без него?..
Телль на свободе был — *была* надежда;
Невинный в Телле друга обретал,
Заступника надежного — гонимый;
Он каждого спасал... а вы, все вместе,
Его оков не можете расторгнуть!

Барон просыпается.

Б а у м г а р т е н

Он шевельнулся, тише!

А т т и н г а у з е н

(приподнимаясь)

Где он?

Ш т а у ф ф а х е р

Кто?

А т т и н г а у з е н

Что ж он ушел перед моей кончиной?

Ш т а у ф ф а х е р

Он о племяннике... За ним послали?

В а л ь т е р Ф ю р с т

Послали... Так утешьтесь, старшина!
Он наш теперь, всем сердцем, всей душою.

А т т и н г а у з е н

Вступился он за родину свою?

Ш т а у ф ф а х е р

Со смелостью героя.

А т т и н г а у з е н

Отчего ж

Не примет он мое благословенье?
Сомненья нет, подходит мой конец.

Ш т а у ф ф а х е р

О нет, короткий сон вас подкрепил.
Бодрее вы, и ясен стал ваш взор.

Аттинггаузен

Страданье — это жизнь; оно утихло,
Конец мученьям — и конец надежде.

(Заметив Вальтера Телля.)

Кто этот мальчик?

Вальтер Фюрст

Внук мой, сирота.

Я вас прошу благословить его.

Гедвига с сыном опускаются перед умирающим на колени.

Аттинггаузен

Я всех вас тут сиротами оставляю...
О, горе мне, что в свой последний час
Закат моей отчизны я увидел!
Я дожил до таких преклонных лет —
И все надежды унесу в могилу?

Штауффахер

(Вальтеру Фюрсту)

И он умрет с такой печалью в сердце?
Не озарить ли нам последний час
Лучом надежды?.. Благородный рыцарь,
Воспряньте духом! Не совсем еще
Погибли мы, не вовсе беззащитны.

Аттинггаузен

Но кто ж спасти вас должен?

Вальтер Фюрст

Мы же сами.

Вот выслушайте! Дали три страны
Друг другу слово выгнать всех тиранов.
Союз на Рютли заключен, и клятвой
Все связаны. Мы перед новым годом
Начнем борьбу. Ваш благородный прах
В земле свободной мирно опочнет.

Аттинггаузен

О, повторите! Заключен союз?

Мельхталь

В один и тот же день должны подняться
Все три лесных кантона. Все готово.
И бережно хранится тайна всеми,
Хоть тысячам доверили ее.
Уже стоят над пропастью тираны,
И дни их своеволия сочтены.
И скоро без следа они исчезнут.

Аттинггаузен

А как же замки с крепкими стенами?

Мельхталь

В одну и ту же ночь они падут.

Аттинггаузен

А рыцари к союзу не примкнули?

Штауффахер

Мы ждем от них поддержки, но союзу
Пока одни крестьяне дали клятву.

Аттинггаузен

(медленно привстает в величайшем удивлении)

Как, без поддержки рыцарства крестьянин
Дерзнул подобный подвиг предпринять?
О, если он в свои так верит силы,
Тогда мы больше не нужны ему,
В могилу можем мы сойти спокойно.
Бессмертна жизнь... иные силы впредь
К величию народы поведут.

(Кладет руки на голову стоящего перед ним на коленях мальчика.)

От головы, где яблоко лежало,
Свет новой, лучшей вольности взойдет;
Уходит старое — не то уж время,
Среди развалин снова жизнь цветет.

Штауффахер

(Вальтеру Фюрсту)

Каким огнем зажглись его глаза!
Не жизни гаснущей последний проблеск,
Но жизни новой это первый луч,

Аттинггаузен

Вот едут рыцари из старых замков
Присягу дать на верность городам
И в Юхтланде, и в Тургау, и повсюду
Подъемлет Берн державную главу,
И Фрейбург создает оплот свободы,
Прилежный Цюрих граждан снаряжает
В кровавый бой... И силы королей
О вековые стены разобьются...

*(Продолжает, как ясновидящий, все более и более
вдохновляясь.)*

Князей и рыцарей вдали я вижу.
Они идут, сверкая сталью лат,
Сломить отважных сыновей свободы * —
Борьба на жизнь и смерть! Кровавой сечей
Здесь не одно прославится ущелье.
Вот, не щадя себя, с открытой грудью,
Крестьянин бросился на копий лес *
И брешь пробил — погиб дворянства цвет,
И стяг победы подняла свобода.

(Взяв за руки Фюрста и Штауффахера.)

Держитесь вместе... вечно, нерушимо...
Свобода одного — свобода всех.
Дозоры на вершинах гор поставьте,
Друг другу помогайте. И да будет
Союз ваш век... един... един... един...

*(Откидывается на подушки; но, бездыханный, он еще держит
их руки.)*

Фюрст и Штауффахер некоторое время молча на него смотрят, затем скорбно отходят в сторону. Тем временем тихо собираются слуги. Они подходят, безмолвно выражая, кто сдержаннее, а кто сильнее, свое горе; некоторые становятся возле умершего на колени и плачут, склонившись над его рукой. В продолжение этой немой сцены звонит колокол замка.

Руденц

(вбегая)

Он жив? Скажите, он меня услышит?

Вальтер Фюрст

(отвернувшись, указывает на умершего)

Отныне вы — глава наш и защитник,
Другое имя носит этот замок.

Руденц

(увидев покойника, останавливается в глубоком горе)

О боже!.. Так раскаянье мое
На несколько мгновений запоздало
И радостью не будет для него?
Я пренебрег его благим советом,
Когда он жил... И вот его уж нет.
Ушел навек, на совести моей
Оставив неоплатный долг!.. Скажите,
Мой дядя умер в гневе на меня?

Штауффхер

Нет, перед смертью он о вас услышал...
Отвагу вашу он благословил!

Руденц

(становится на колени возле покойника)

О доблестного рыцаря останки!
Священный прах! Даю тебе обет
Здесь, над твоей остывшею рукою:
Расторгнуты навек с врагами связи.
Я к моему народу возвратился
И навсегда — швейцарец всей душой!..

(Встает.)

Оплакивайте в нем отца и друга.
Но все ж, друзья мои, не унывайте!
Он не одни владенья мне оставил.
Нет, Руденц дух наследует его.
И юность бодрая исполнит долг,
Что хилой старости был не под силу...
Отец почтенный, дайте вашу руку!
И вы свою! Вы, Мельхталь, дайте вашу!
Сомненья прочь! Не отводите глаз,
Примите клятву и мои обеты!

Вальтер Фюрст

Дадим барону руку. Сердцем он
Вернулся к нам.

Мельхталь

Крестьян вы презирали.
Чего ж теперь от вас мы вправе ждать?

Руденц

О, заблужденья юноши забудьте!

Штауффахер

(Мельхталю)

Единство — был умершего завет,
Не забывайте!

Мельхталь

Вот моя рука!

Крестьянское рукопожатье стоит
Не меньше слова рыцаря. Притом —
Что вы без нас? И мы — древней дворян!

Руденц

Я чту крестьян. Мой меч — защита им.

Мельхталь

Те руки, что природу покорили
И горы хлеб заставили родить,
Грудь защитить наверное сумеют.

Руденц .

Вы будьте *мне*, я буду *вам* оплотом.
Союзом нашим будем мы сильны.
Но прочь слова, когда страна родная —
Добыча чужеземной тирании...
Сперва страну очистим от врага,
А после на досуге разберемся.

(Помолчав.)

Вам нечего ответить мне? Молчите?
Доверья я еще не заслужил?
Друзья, тогда я против вашей воли
Проникну в тайну вашего союза.
На Рютли были вы... и присягнули, —

Известно мне, что там произошло.
Я эту тайну, как залог священный,
Хранил, хоть мне ее не доверяли.
Нет; не был я врагом моей стране,
Ни разу я еще вам не вредил.
Но все ж, друзья, не надо мешкать вам.
Быстрее ударьте — гибельна отсрочка,
Телль первой жертвой промедленья стал...

Штауффахер

Мы дали клятву ждать до рождества.

Руденц

Я не был там и клятвы не давал.
Не вы, так я начну.

Мельхталь

Как! Неужели...

Руденц

К старшинам вашим я теперь причислен,
И первый долг мой — быть защитой вам.

Вальтер Фюрст

Предать земле останки дорогие —
Ваш первый и священный долг пред всеми.

Руденц

Освободив страну, мы принесем
Венок победы на его могилу.
Друзья мои! Я не за вас одних
С тираном лютым насмерть буду биться —
И за себя!.. Узнайте же! Исчезла,
Похищена моя невеста Берта.
Еще одно совершено злодейство!

Штауффахер

Тиран дерзнул на произвол такой
И рыцарскую дочь посмел похитить?

Руденц

Я обещал вам помогать, друзья,
Но сам сперва о помощи молю.

Ах, у меня любимую отняли!
Кто знает, где она заточена?
Злодей любой ценой ее заставит,
Увы, с ним в ненавистный брак вступить!
О, помогите мне ее спасти!..
Ведь за любовь к стране она достойна,
Чтоб на ее защиту встали все!

Вальтер Фюрст

Что ж вы предпримете?

Руденц

Ах, я не знаю!
Сквозь этот мрак, который окружает
Ее судьбу, и сквозь сомненья, страхи,
Когда не знаешь, что же предпринять,
Одна лишь ясно проступает мысль:
Из-под обломков тирании люгой
На божий свет мы Берту извлечем.
Когда врага твердыни сокрушим,
Быть может, мы ее освободим!

Мельхталь

Ведите нас! Мы все пойдем за вами.
Уже сегодня нам борьба по силам!
Телль на свободе был, когда клялись мы, —
Еще не совершилось злодеянье.
Иное время — и закон иной.
Тот низкий трус, кто медлить будет доле!

Руденц

(Штауффахеру и Вальтеру Фюрсту)

Так за мечи, за копья, дело близко!
Огни уж скоро вспыхнут по горам.
Стремительнее вестового судна
Победы нашей весть примчится к вам.
Огней сигнальных будет цепь ярка!
Вы молнией на недруга ударьте
И сбросьте гнет тиранов — на века!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ущелье неподалеку от Кюснахта.

Сюда спускаются по тропинке меж скал, и каждого путника, прежде нежели он появится на авансцене, видно наверху. Кругом скалы; одна из них, поросшая кустарником, выдается вперед.

Телль

(входит с самострелом)

По этому ущелью он поедет;
Другого в Кюснахт нет пути... И здесь
Я все свершу... благоприятен случай.
Куст бузины меня надежно скроет,
Оттуда я стрелой тебя достану,
А для погони тесен этот путь.
Кончай скорей расчеты с небом, фохт!
Твой час настал. Ты должен умереть!

Я прежде жил спокойно и беззлобно,
Одних зверей стрелою поражал, —
Убийство мне на ум не приходило...
Теперь ты мир моей души смутил,
И в яд змеиный превратил во мне
Ты молоко благочестивых мыслей.
Ты сам вложил мне в руки этот лук:
Кто в голову родного сына целил,
Сумеет в сердце поразить врага!

Детей невинных, верную жену
Я защищать от ярости твоей
Обязан, фохт!.. Когда рукой дрожащей
Упорный лук натягивал я свой...
Когда меня ты с дьявольским злорадством
Стрелять в родного сына принуждал...
И тщетно умолял я о пощаде...
Тогда в душе я страшную дал клятву —
Ее лишь бог слышал, — что *первой* целью
За этим выстрелом в дитя послужит
Мне грудь твоя... И тот обет священный,
Который лютой порожден был мукой,
Исполню я... Мой лук тому порукой.

Ты господин мой, ты имперский фохт;
Но разве мог себе сам император
Позволить столько?.. Он тебя послал,
Чтоб суд творить — пусть строгий, он
разгневан, —

Но не над всеми злобно потешаться
И наносить преступные удары.
Есть бог вверху для мщения и для кары.

Лети же, смертоносная стрела,
Бесценное сокровище мое!
Вот цель тебе, что к просьбам и молениям
Была всегда глуха и недоступна...
Но пред *тобой* она не устоит...
Ты, крепкая, тугая тетива,
Так часто мне служившая на играх,
Не выдавай меня и в грозный час!
Мой верный друг, покорна будь усилью,
Ты часто окрыляла мне стрелу.
Без промаха единственной стрелой
Сразим врага — в колчане нет другой.

Путники проходят через сцену.

Я сяду здесь, на каменной скамье.
Тут путников короткий отдых ждет...
Их родина далёко... Все спешат,
Друг другу чуждые, никто не спросит,
Какое горе у тебя на сердце...
Проходит озабоченный купец,
И с легкою котомкой богомолец,
И набожный монах, а там еще
Разбойник мрачный иль дударь веселый;
Идет погонщик за своим конем,
Навьюченным дарами стран далеких...
Их всех сюда влекут свои дела,
Меня же мысль о *крови* привела!

(Садится.)

Бывало, как с охоты приходил
Отец ваш, дети; то-то был вам праздник!
Он каждый раз вам приносил домой
Иль редкостную птицу, иль цветок
Диковинный, иль рог окаменелый,
Какой в горах, случается, находят...
На промысел другой теперь он вышел:
Задумал он убийство на дороге —
И вот врага подстерегает здесь.
Но и теперь о *вас* тревога, дети...
Невинных, вас он хочет защитить:

Чтоб вы спаслись от мщения злодея,
В него стрелу он пустит, не жалея!

(Встает.)

Я крупного подстерегаю зверя...
Не унывая, день-деньской охотник
Скитается в горах в мороз трескучий,
И прыгает с утеса на утес,
И лезет вверх по страшной крутизне
С истерзанными до крови ногами...
А все, чтоб серну жалкую добыть.
Меня награда ждет куда ценней —
Здесь поражу смертельного врага.

Издали, все приближаясь, доносятся звуки веселой музыки.

Я никогда не расставался с луком,
Всю жизнь в стрельбе искусной упражнялся.
Без промаха в мишень я попадал,
И не один прекрасный дар за это
Я получал на наших состязаньях...
Но этот *выстрел* будет *мастерской*,
Я лучшую в горах возьму награду.

Через сцену вверх по дороге движется свадебная процессия. Телль смотрит на нее, опираясь на свой лук. Полевой сторож Штюсси подходит к нему.

Ш т ю с с и

Вот женится смотритель монастырских
Поместий; сам богатый человек —
Да, у него с десяток стад в горах!.. —
А взял невесту он из Имензее.
Пир в Кюснахте сегодня до утра.
Пойдем туда. Там рады всем гостям.

Т е л л ь

Нет, хмурый гость на свадьбе не у места.

Ш т ю с с и

Любую скорбь — скорей из сердца вон!
Сам знаешь, нынче времена лихие.
Лови, стрелок, веселье на лету.
Здесь — свадьба; там, быть может, — погребенье.

Т е л л ь

А иногда — то и другое рядом.

Ш т ю с с е н

Да, всякое случается на свете.
Довольно бед кругом... Скала в Гларисе
Обрушилась, и оползень засыпал
Немалое пространство.

Т е л л ь

Значит, горы
И те не вечны? Все непрочно в мире.

Ш т ю с с и

А вот еще какой чудесный случай
Недавно мне рассказывал проезжий.
Поехал знатный рыцарь к королю.
И вот дорогой целый рой шершней
Напал на лошадь. Так ее заели,
Что наземь рухнула и околела.
А рыцарь к королю пешком прибред.

Т е л л ь

И слабому дала природа жало.

Армгарда появляется с несколькими детьми и становится на дороге.

Ш т ю с с и

Все это, брат, беду сулит стране
И лютые, безумные злодеяния.

Т е л л ь

Ужасные злодеяния что ни день
Без знамений особых происходят.

Ш т ю с с и

Да, счастлив тот, кто мирно землю пашет
И безмятежно среди своих живет.

Т е л л ь

И смирному спокойно не прожить,
Коль он соседу злому неугоден.

*(С беспокойным ожиданием то и дело поглядывает вверх на
дорогу во время всего разговора.)*

Ш т ю с с и

Прощай, брат... Вижу, ты кого-то ждешь.

Телль

Да, жду.

Штюсси

Ну, так счастливо возвратиться!
Ты, кажется, из Ури? Наш ландфохт
Прибыть сегодня должен был оттуда.

Путник
(мимоходом)

Не ждите нынче фохта. Реки вышли
От сильного дождя из берегов,
И все мосты снесло потоком бурным.

Телль встает.

Армгарда
(подойдя ближе)

Фохт не проедет мимо?

Штюсси

Ты к нему?

Армгарда

О да, к нему!

Штюсси

Но отчего, скажи-ка,
Ты стала поперек его пути?

Армгарда

Чтоб выслушал — тут некуда податься.

Фрисгард

(быстро спускаясь по дороге, кричит)

С дороги прочь! Мой господин ландфохт
За мною следом едет. Расступитесь!

Телль уходит.

Армгарда
(взволнованно)

Ландфохт к нам едет!

(Становится с детьми на авансцене)

Геслер и Рудольф Гаррас, оба верхом, появляются вдали на
взгорье.

Ш т ю с с и

Как вы добрались?
Ведь, говорят, мосты снесло водой.

Ф р и с г а р д

На озере мы с бурей схватились.
Потоки с гор теперь нам не страшны.

Ш т ю с с и

Вы были в лодке в такую бурю?

Ф р и с г а р д

Да, были. Век я это буду помнить.

Ш т ю с с и

Ах, расскажи нам!

Ф р и с г а р д

Нет, мне надо в замок —
Предупредить, что скоро будет фохт.

Ш т ю с с и

Будь в лодке люди честные — конечно,
Пошли б ко дну. Ну, а такой народ
В воде не тонет, не горит в огне.

(Оглядывается.)

Никак, стрелка уже и след простыл?

(Уходит.)

Геслер и Рудольф Гаррас, верхом,

Геслер

Я императору слуга, поймите,
И угождать ему во всем обязан.
Меня послал он не за тем, чтоб гладить
Народ по шерстке... Нет, повиненья
Он ждет. Борьба идет за то, кто здесь
Хозяин: император иль крестьянин.

А р м г а р д а

Теперь пора! Я с ним заговорю!

(Робко приближается к ним.)

Геслер

Не шутки ради я повесил шляпу,
Не для того, поверьте, чтобы этим
Испытывать народ — его я знаю, —
Но лишь затем, чтоб научить крестьян
Склонять свои упрямые затылки.
Препятствие на их пути обычном
Поставил я, чтоб, о него споткнувшись,
Припомнили они, кто господин их.
А то уж стали забывать его.

Рудольф Гаррас

Но у народа есть свои права...

Геслер

Да время ль нам теперь их разбирать?
Великие свершаются деянья.
Дом Габсбургов все крепнет *. Сын закончит,
Что славно было начато отцом.
Народец этот нам преградой стал,
Но мы его заставим покориться!

Хотят ехать дальше. Армгарда бросается перед Геслером на колени.

Армгарда

О сжальтесь! Сжальтесь! Будьте милосердны!

Геслер

Ну, не стоять тут поперек пути!
Прочь от меня!

Армгарда

Мой муж сидит в темнице,
Голодные сироты плачут... Сжальтесь
Над тяжкою нуждою, господин!

Рудольф Гаррас

Кто вы? Откуда? Кто ваш муж?

Армгарда

Бедняк.

Он косит сено на отвесных склонах,
Над грозною подчас повиснув бездной,
Карабкаясь по скалам, где не может
Пастись привычный к горным кручам скот...

Рудольф Гаррас

(ландфохту)

О, как жалка жизнь этих горемык!
Верните ей хозяина и мужа!
Как ни была б тяжка его вина,
Он ремеслом своим уже наказан.

(Женщине.)

Наместник все рассудит по закону...
Придите с просьбой в замок... Здесь не место.

Армгарда

Нет, шагу я не сделаю отсюда,
Пока мне мужа фохт не возвратит.
Полгода скоро он сидит в тюрьме
И приговора тщетно ожидает.

Геслер

Ты заставляешь меня? Посторонись!

Армгарда

Будь справедлив! Ведь ты судить обязан
Во имя императора и бога.
Исполни долг! Коль милости ты ждешь
От господ, то милость нам яви!

Геслер

Прочь, дерзкая! Убрать ее с дороги!

Армгарда

(хватаясь за поводья)

Не отступлю! Мне нечего терять!
Остановись! Ни шагу дальше, фохт.
Сперва ты мне окажешь правосудье...
Выкатывай на лоб свои глаза...
Несчастьям нашим меры нет, и нас
Твой лютый гнев, ландфохт, не испугает...

Геслер

Пусти иль затопчу тебя конем!

Армгарда

Топчи! Вот, на...

(Хватает детей и бросается с ними на землю.)

Дави меня с детьми...

Пусть кованым копытом их тела
Гвой конь растопчет, не щади сирот!
Куда страшней ты совершал злодея!

Рудольф Гаррас

Безумная!

Армгарда

(вне себя)

Ведь ты уже давно
Страну, народ ногами попираешь!
О, если б я была мужчиной, фохт,
Я что-нибудь придумала б другое,
Чем здесь лежать в пыли...

Издали снова доносится свадебная музыка, но глуше.

Геслер

Но где же люди?

Гоните прочь ее, или, забывшись,
Я что-нибудь ужасное свершу.

Рудольф Гаррас

Пройти сюда отряду невозможно —
Ему дорогу свадьба преградила.

Геслер

Я, право, слишком мягкий властелин
Для этого народа... Языки
Дерзки у этих горцев непокорных.
Клянусь, что все пойдет теперь иначе:
О, я сломя их дерзкое упорство,
Я подавлю кичливый дух свободы!
Я новый возведу закон стране...
И прикажу...

(Стрела пронзает его, он хватается рукой за сердце и, качаясь в седле, произносит слабым голосом.)

Умилосердись, боже!

Рудольф Гаррас

Что за напасть... Откуда? Что такое?

Армгарда

(вскакивая)

Он падает! Убит! Сражен стрелой!

Она ландфохту в сердце угодила!

Рудольф Гаррас

(соскакивает с лошади)

О ужас!.. Боже!.. Господин ландфохт...

Взовите к милосердию небес!..

Вы при смерти!..

Геслер

О, это выстрел. Телля...

(Соскальзывает с лошади на руки Рудольфу Гаррасу; тот кладет его на скамью.)

Телль

(появляясь сверху, на вершине скалы)

Узнал стрелка — другого не ищи!

Свобода — хижинам и мир — невинным!

Не страшен ты теперь моей отчизне.

(Исчезает за скалой.)

На сцену врывается народ.

Штюсси

(впереди)

Что здесь такое? Что произошло?

Армгарда

Ландфохт убит стрелой..

Народ

(сбегаясь)

Кто, кто убит?

Между тем как передние из свадебного поезда выходят на спену, задние находятся еще на взгорье, и музыка продолжается.

Рудольф Гаррас

Он кровью изойдет! Сюда, на помощь!
Преследуйте убийцу, да скорей!
Несчастный, ты дождался, вот конец твой;
Не слушался ты моего совета!

Ш т ю с с и

О боже! Как он бледен, неподвижен!

Г о л о с а

Чьей он казнен рукой?

Рудольф Гаррас

Эй, там, уймитесь!
Убийство здесь, а музыка ликует!
Музыка внезапно прекращается. Народ все прибывает.

Ландфохт, когда вы в силах, отвечайте:
Вам нечего доверить мне?

Геслер делает знак рукой и с досадой повторяет его, видя, что жест остался непонятым.

Куда?

Что, в Кюснахт?.. Я не понял вас... Ландфохт,
Не будьте так нетерпеливы... Надо,
Забыв земное, с небом примириться!
Весь свадебный поезд в ужасе окружает умирающего.

Ш т ю с с и

Он все бледней... Смерть... к сердцу
А вот он и глаза уже закрыл. подступила...

А р м г а р д а

(поднимая ребенка)

Смотри, дитя, как умирает изверг!

Рудольф Гаррас

О женщины безумные! Неужто
В вас сердца нет, что зрелище такое
Для вас потеха? И никто не хочет...
Да помогите ж выдернуть стрелу!

Женщины

(отступая)

Спасать того, кого господь сразил?!

Рудольф Гаррас

Так будьте же вы прокляты!

(Хватается за меч.)

Штюсси

(удерживает его руку)

Не смейте!

Господству вашему конец. Убит
Тиран страны. Мы больше не потерпим
Насилья над собой. Свободны мы.

Все

(шумно)

Страна свободна!

Рудольф Гаррас

Вот вы как! Уже?

Так скоро всякий страх у вас пропал?

(Подошедшим оруженосцам.)

Вы видите, тут страшное убийство
Совершено... И тщетна наша помощь...
Преследовать убийцу бесполезно.
Другие впереди у нас заботы.
Скорее в Кюснахт! Замок этот крепкий
Спасти для императора нам надо.
Распались узы долга и порядка,
И никому довериться нельзя.

(Удаляется с оруженосцами.)

Входят шесть монахов — братьев милосердия

Армгарда

Вот братья милосердия идут!

Штюсси

Была бы жертва — ворон тут как тут.

Братья милосердия
(становятся полукругом возле покойника и поют глухими
голосами)

Внезапно может смерть прийти,
Ей не указан день и час.
Она сразит на полпути:
Ты в цвете сил — и вот угас.
Готов ты умереть иль нет —
Дай высшему судье ответ!

При повторении последних стихов занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь в Альторфе.

В глубине, направо, стоит крепость «Иго Ури» с еще неубранными лесами, как в третьей сцене первого действия. Налево тянется цепь гор, на них пылают сигнальные огни. Рассвет. Издалека с разных сторон доносится звон колоколов.

Руоди, Куони, Верни, мастер-каменотес и множество других поселян, женщины и дети.

Руоди

Вы видите — костры зажглись в горах?

Каменотес

А слышите — набат гудит за лесом?

Руо ди

Враг побежден.

Каменотес

И пали замки фохтов.

Руо ди

Неужто здесь, меж гор лесистых Ури,
Потерпим мы насилия оплот?
Нам позже всех провозгласить свободу?

Каменотес

Позволить *Игу* тут стоять угрозой?
Ломай, круши!

Все

Круши! Ломай! Круши!

Руо ди

Где наш трубач?

Трубач Ури

Я здесь. Зачем я нужен?

Руо ди

На башню подымись да затруби
В свой звонкий рог, чтоб далеко в горах
Отдался звук тысячеустым эхом
И чтоб скорее на призыв могучий
Народ из Ури шел!

Трубач Ури уходит. Появляется Вальтер Фюрст.

Вальтер Фюрст

Друзья! Постойте!

Вестей из Унтервальдена и Швица
Все нет как нет. Сперва гонцов оттуда
Нам надо подождать.

Руо ди

Как подождать?

Тиран убит, забрезжил день свободы.

Каменотес

Гонцов? А вы не видите? Кругом
В горах костры сигнальные пылают!

Руоди

Сюда, сюда! За дело всем народом!
Долой леса! Обрушим своды, стены!
Мы камня тут на камне не оставим!

Каменотес

Эй, подмастерья! Замок мы воздвигли,
Сумеем и разрушить.

Все

Бей, круши!

(Бросаются со всех сторон на недостроенную крепость.)

Вальтер Фюрст

Пошло! Теперь ничем их не удержишь.

Входят Мельхталь и Баумгартен.

Мельхталь

Как, замок цел? Когда уже весь Сарнен
Испепелен и крепкий Росберг пал?

Вальтер Фюрст

(Мельхталю)

Вы с чем пришли?.. Свобода или рабство?
Что, от врага очищена страна?

Мельхталь

(обнимая его)

Очищена. Порадуйтесь, отец!
Свободны мы. Теперь уже нигде
В Швейцарии тиранов не осталось.

Вальтер Фюрст

Как удалось вам замки захватить?

Мельхталь

С отчаянной отвагой Ульрих Руденц
Взял замок Сарнен приступом внезапным.
В ночь перед этим в Росберг я проник.
Но слушайте, друзья! Когда мы замок,
Очистив от врага, зажгли и пламя,
Треща, взвилось столбом под небеса,

Вбежал Дитгельм, паж Геслера, и крикнул,
Что Берта Брунек заживо сгорит.

Вальтер Фюрст

О боже!

Слышно, как рухнули леса постройки.

Мельхталь

Тайным повеленьем фохта
Она была заточена в темницу.
Не взвидя света, Руденц тут вскочил!
Уже трещали балки и стропила,
И к нам из клубов дыма долетал
Несчастной жертвы крик.

Вальтер Фюрст

Ее спасли?

Мельхталь

Спассти могли решимость, быстрота!
Будь Руденц *только* нашим дворянином,
Пожалуй, мы б задумались. Но он
Союзник наш, а Берта чтит народ...
И потому мы жизнью вновь рискнули
И кинулись в огонь ее спасать.

Вальтер Фюрст

И что ж, спасли?

Мельхталь

Спасли. Ее мы оба
Стремительно сквозь пламя пронесли, —
За нами тут же рухнули стропила.
Но вот, когда она, придя в себя,
Свои глаза сиянью дня открыла,
Барон меня в объятьях сжал. Так был
Безмолвной клятвой закреплен союз,
И оя, в огне пожара закаленный,
Любой удар судьбы перенесет...

Вальтер Фюрст

Где ж Ланденберг?

Мельхталь

Да он за рубежом.
Не я виной, что тот свет солнца видит,

Кем мой отец был зверски ослеплен.
Я вслед за ним погнался — и настиг,
К ногам отца я в прах поверг злодея
И острый меч над ним уже занес,
Но милосердию слепого старца
Обязан он, что вымолил пощаду.
Он дал зарок сюда не возвращаться —
И не нарушит клятву. На себе
Узнал он силу наших рук.

Вальтер Фюрст

Хвала вам,
Что вы победу кровью не пятнали!

Дети

(пробегаая по сцене с обломками лесов)

Свобода!.. Воля!..

Раздаются могучие звуки рога Ури.

Вальтер Фюрст

Праздник-то какой!
О нем вовек и дети не забудут.

Девушки несут шляпу на шесте. Вся сцена заполняется народом.

Руоди

Вот шляпа — чтить ее нас принуждали.

Баумгартен

Решайте, как нам с нею поступить.

Вальтер Фюрст

Ах, господи! Под ней стоял мой внук!

Несколько голосов

Топчите, рвите памятник насилья!
В огонь ее!

Вальтер Фюрст

Нет, лучше сохраним!
Она была орудьем тирании,
Теперь она — свободы нашей знак!

Поселяне, поселянки и дети, кто сидя, а кто стоя на обломках рухнувших лесов, образуют большой живописный полукруг.

Мельхталь

Как радостно союзникам стоять
Здесь, на обломках павшей тирании!
Все свершено, в чем мы клялись на Рютли.

Вальтер Фюрст

Начало это, но не завершение.
О, нам нужны отвага и сплоченность!
Поверьте, император не замедлит
Начать войну, чтоб отомстить за фохта
И силой к нам всех изгнанных вернуть.

Мельхталь

Ну что ж, пусть он ведет свои войска!
Внутри страны врага мы победили —
И внешнего сумеем отразить.

Руоди

Не много к нам ведет проходов горных,
Их защищать мы будем нашей грудью.

Баумгартен

Союз наш вечен, непоколебим,
Нас полчища врага не устрашат!
Входят Рёссельман и Штауффахер.

Рёссельман

(входя)

О грозный суд разгневанных небес!

Поселяне

Что, что такое?

Рёссельман

Дожили, вот время!

Вальтер Фюрст

Но что случилось?.. Вернер, что такое?

Поселяне

Что за напасть?..

Рёссельман

О боже, что творится!

Штауффахер

Избавлены мы от большой угрозы...

Рёссельман

Убит наш император!

Вальтер Фюрст

Боже правый!

Поселяне ескакивают со своих мест и окружают Штауффахера.

Все

Убит! Что?.. Император!.. Император!..

Мельхталь

Да как же так? Откуда эти вести?

Штауффахер

Сомнений нет. Под Бруком Альбрехт пал
От рук убийц... Нам эту весть принес
Правдолюбивый Иоганнес Мюллер *.

Вальтер Фюрст

Но кто виновник страшного злодейства?

Штауффахер

Оно еще ужасней оттого,
Что совершил его родной племянник,
Сын брата, швабский герцог Иоганн.

Мельхталь

А что его толкнуло на злодейство,
Отцеубийству равное? *

Штауффахер

Наследства

Племяннику не отдал император
И будто бы хотел совсем отнять
Его владенья, дав ему взамен
Епископство. Но юный герцог внял
Товарищей своим совету злему
И вместе с Вартом, Пальмом, Эшенбахом
И Тегерфельдом порешил на том,
Что раз ему отказано в правах,
То собственной рукой он отомстит.

Вальтер Фюрст

Но как свершилось это злодеянье?

Штауффахер

В свою столицу ехал император
Из Бадена со свитою блестящей.
В которой сын его был Леопольд
И герцог Иоганн. Когда ж до Ройса
Доехали, то сразу к переправе,
Всех оттеснив, убийцы понеслись
И вместе с императором поплыли.
Потом верхом поехал государь
По полю, где огромный древний город *
Был, говорят, в языческое время...
И на виду у Габсбургского замка —
Австрийский дом свой род ведет оттуда —
Сам герцог Иоганн ему нанес
Удар кинжалом в горло, а фон Пальм
Его пронзил копьем на всем скаку,
А череп Эшенбах рассек мечом.
И рухнул Альбрехт, весь в крови, сраженный
Своими на земле своих отцов.
А свита, отделенная рекою,
Беспомощно глядела на расправу
И только воздух воплем оглашала.
И на руках у нищенки бездомной
Весь кровью император изошел.

Мельхталь

Вот как пришлось владыке умереть,
Что жадно всем стремился завладеть!

Штауффахер

Безмерный ужас охватил страну.
Везде в горах завалены проходы,
Вблизи границ все насторожены.
И затворил ворота древний Цюрих,
Хоть тридцать лет он их не затворял:
Страшны убийцы, мстители — подавно.
Уже идет с войсками королева
Венгерская — суровая Агнеса*.
Всегда ей кротость женская чужда.
Она проклятья шлет и отомстить
За царственную кровь отца клянется

Преступникам; их роду, детям, внукам,
И слугам их, и даже камням замков.
Она грозит, что целые семейства
В отцовскую могилу сбросит, кровью
Омоется, как майскою росой.

Мельхталь

Известно ль вам, куда убийцы скрылись?

Штауффахер

Все пятеро сообщников бежали,
Свершив убийство, в пять концов различных,
Чтоб никогда не встретиться... Как слышно,
В горах у нас блуждает Иоганн.

Вальтер Фюрст

Так не дало им проку злодеянье!
Бесплодна месть — она убийства жаждет,
Убийством насладится, а затем
В отчаянье бездонном захлебнется.

Штауффахер

Убийцам пользы нет от преступленья.
Но *мы* рукою чистой соберем
Кровавого злодейства плод благой.
Мы от большой избавились беды:
Свободы самый грозный враг — в могиле.
И будто бы другому дому скипетр,
Не Габсбургам, достанется. Желает
Империя свободно избирать.

Вальтер Фюрст

Что ж вы слышали?

Штауффахер

Большинством намечен,
Как говорят, граф Генрих Люксембург.

Вальтер Фюрст

С империей не порывали мы,
И благо нам — теперь добьемся правды!

Ш т а у ф ф а х е р

В друзьях нуждаясь, новый император
Защитой против Австрии нам будет.

Все бросаются в объятия друг другу. Входит Петерман с импер-
ским гонцом.

П е т е р м а н

Вот старшины почтенные.

Рёссельман и другие

(Петерману)

Вы с чем?

П е т е р м а н

Гонец имперский с грамотою прибыл.

В с е

(Вальтеру Фюрсту)

Читайте вы!

В а л ь т е р Ф ю р с т

(читает)

«Всем гражданам любезным
Трех стран лесных дарует королева
Елизавета милости и блага».

Н е с к о л ь к о г о л о с о в

Что нужно ей? Здесь нет ее владений.

В а л ь т е р Ф ю р с т

(читает)

«В великой скорби и печали вдовьей,
В которую повергнута она
Кровавою койчиною супруга,
Любовь и верность помнит королева...»

М е л ь х т а л ь

А счастлива была — не вспоминала.

Рёссельман

Дослушаем! Потише!

Вальтер Фюрст

(читает)

«...И думает, что преданный народ
Со справедливым омерзеньем встретит
Злодеев окаянных. Посему
Ждет королева, что в лесных кантонах
Им, извергам, никто не даст приюта,
А что усердно будут помогать
Их изловить и выдать для отмщенья,
Любовь и милость памятуя, кои
Здесь Рудольфа державный дом явил».

Знаки недовольства среди поселян.

Многие голоса

Любовь и милость!

Штауффахер

Нам милости оказывал отец,
Но можно ли сыновними хвалиться?
Он разве наши льготы подтвердил,
Как всякий император *до него*?
Творил ли он над нами правый суд?
Давал ли невинному защиту?
И принял ли послов от наших стран,
Когда мы их в тревоге снарядили?
Нет, Альбрехт ничего для нас не сделал.
И, если б мы могучею рукою
Не защитили наших прав, его
Не тронули б вовек несчастья наши...
За что ж благодарить? Он не посеял
Тут благодарности, хоть мог бы стать
Отцом любимым всех своих народов.
Лишь о своих он проявлял заботы,
Они пусть плачут, — нет у нас охоты!

Вальтер Фюрст

Мы радоваться гибели его
И лихом *ныне* поминать не будем.
Избави бог от этого! Но *мстить*
За смерть того, кто нам добра не делал,
И тем вредить, кто зла не причинил нам,
Не подобает нам и не пристало.

О нет, любить нельзя по принуждению!
Смерть этот долг насильственный сняла,
Мы с Альбрехтом покончили дела.

Мельхталь

Пусть во дворце вдова его рыдает
И горькие стенанья к небу шлет.
Вы видите — народ без страха дышит.
Хвала творцу, что миновали грозы!
Посей любовь — пожнешь участия слезы.
Имперский гонец уходит.

Штауффахер
(народу)

Но где же Телль? Как, все еще не видно
Свободы нашей смелого творца?
Он больше всех свершил и настрадался.
Пойдем с приветом от всего народа
К тому, с кем завоевана свобода!

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сени в доме Телля.

В очаге горит огонь. В распахнутые двери видны окрестности.
Гедвига, Вальтер и Вильгельм.

Гедвига

Отец домой придет сегодня, дети!
Он жив! Свободен! Все кругом свободны!
Отец ваш, знайте, родины спаситель!

Вальтер

И я при этом был не из последних!
Не забывай: отцовская стрела
Грозилась смертью мне, но я не дрогнул.

Гедвига
(обнимая его)

Да, да, ты небом снова мне дарован!
Тебя я в муках дважды породила!
Ты мною дважды выстрадан, мой сын!
Но все прошло... Мои вы оба, оба!
Сегодня возвращается отец!

На пороге появляется монах.

Вильгельм

Мать, погляди: вот набожный монах,
Сейчас начнет молить о подаянье.

Гедвига

Веди его с дороги подкрепиться.
Пусть чувствует, что в нашем доме радость.
(Уходит и вскоре возвращается с кубком.)

Вильгельм

(монаху)

Войдите. Мать зовет вас отдохнуть.

Вальтер

И, подкрепившись, вы пойдете дальше!

Монах

(робко озираясь, с расстроенным выражением лица)

Где я? В какой, скажите мне, стране?

Вальтер

Не знаете? Вы, видно, заблудились.
Вы в Бюрглене, в лесном кантоне Ури,
Рукой подать до Шехенской долины.

Монах

(возвращающейся Гедвиге)

Одна ли вы? Иль ваш хозяин дома?

Гедвига

Я жду его как раз... Что это с вами?
Недоброе задумали вы что-то.
Но все равно, берите, вы в нужде.
(Подает ему кубок.)

Монах

Как сердце истомленное ни жаждет,
Я не притронусь, обещайте мне...

Гедвига

Я вас прошу ко мне не прикасаться,
Не подходить, а то не буду слушать!

Монах

Клянусь гостеприимным очагом
И вашими детьми, которых я
Так рад обнять...

(Хватает мальчиков.)

Гедвига

Да это что же? Прочь,
Прочь от моих детей!.. Вы не монахи!
Под рясой должен мир царить, но я
У вас в чертах не замечаю мира.

Монах

Я человек несчастнейший на свете!

Гедвига

Несчастья голос тотчас внятен сердцу,
Но молкнет все в душе под вашим взглядом.

Вальтер

(подпрыгивая)

Ах, наш отец!

(Убегает.)

Гедвига

О боже мой!

(Хочет идти, но начинает дрожать и останавливается.)

Вильгельм

(бежит следом)

Отец!

Вальтер

(за сценой)

Ты снова дома!

Вильгельм

Ах, отец наш милый!

Телль

(за сценой)

Да, вот и я... Но, дети, где же мать?

(Входит.)

Вальтер

Вон у дверей. Сойти не может с места
И вся дрожит от радости и страха!

Телль

О Гедвига! О мать моих детей!
Бог нам помог — тиран нас не разлучит.

Гедвига

(обнимая его)

Мой Телль! Как я страдала за тебя!

Монах прислушивается.

Телль

Ликуй, жена, забудь свои страдания!
Мы вместе висвь! Вот хижина моя!
И на своей земле стою я твердо.

Вильгельм

Куда же ты, отец, девал свой лук?
Его не вижу я.

Телль

И не увидишь.
Повешен он в обители святой
И на охоте больше не послужит.

Гедвига

Мой Телль!

(Отступает, вырывая свою руку.)

Телль

Чего ты, радость, испугалась?

Гедвига

Ты кто... ты кто теперь? Твоей руки
Могу ль коснуться?.. Той руки... О боже!

Телль

(от всего сердца, мужественно)

Она стране и вам была защитой;
Я к небу смело подниму ее.

Монах делает резкое движение. Телль замечает монаха.

Кто этот брат?

Гедвига

Ах, я о нем забыла!
Мне жутко с ним, ты расспроси его.

Монах

(подходит ближе)

Итак, вы Телль, наместника сразивший?

Телль

Да, не таясь ни перед кем, — он самый.

Монах

Телль предо мной! Всевышнего рукою
Под вашу крышу я был приведен.

Телль

(окидывая его взглядом)

Вы не монах! Но кто же?

Монах

Вы сразили
Ландфохта, причинившего вам зло...
И я врага убил — он на мои
Права смел посягнуть... Он общий враг наш.
Я от него ваш край освободил.

Телль

(отпрянув назад)

Так вы... о ужас! Дети, уходите!
Ступай, жена! Иди, иди!.. Несчастный!
Вы тот...

Гедвига

О боже, кто?

Телль

Молчи, жена!

Прочь, прочь с детьми! Пускай они не слышат.
Ступайте же отсюда... Вам нельзя
Под крышею *одной* с ним находиться.

Гедвига

Беда какая! Что ж, пойдём!

(Уходит с детьми.)

Телль

(монаху)

Вы герцог
Австрийский... Да, не отпирайтесь! Вами
Был государь, ваш дядя, умерщвлен!

Иоганн Паррицида

Моих земель грабитель.

Телль

Он ваш дядя,
Ваш император был! И как вас терпит
Земля! И как еще вам светит солнце!

Паррицида

Телль, выслушайте прежде...

Телль

Ты посмел,
Отцеубийца и цареубийца,
Запятнан кровью, к нам явиться в дом?
Войти с лицом открытым к добрым людям
И здесь на право гостя притязать?

Паррицида

Я думал милосердье тут найти:
Врагу и вы отместили.

Телль

О несчастный!

Так ты посмел корыстное убийство
Равнять с самозащитою отца?
Ты разве сына голову спасал?
Ты встал за святость очага? Своих
От страшного конца ты оградил?..
Я чистые подьемлю к небу руки,
Тебя, твое злодейство проклиная...
Я за святую отомстил природу,
А ты попрай ее... тут связи нет:
Злодейство и — святейших прав защита!

Паррицида

Вы гоните без слова утешенья?

Телль

Я в ужасе, что говорю с тобой.
Ступай своею страшною дорогой!
Не оскверняй обители невинных!

Паррицида

(направляясь к выходу)

Я не могу, так я не в силах жить!

Телль

И все ж тебя мне жаль... О боже правый!
Так молод, отпрыск царственного рода,
Внук Рудольфа, и вдруг — убийца беглый! —
Отчаявшись, ты молишь о спасенье
У моего убогого порога!..

(Закрывает лицо.)

Паррицида

О, если вы способны плакать, тронет
Вас жребий мой злосчастный... Да, я герцог...
Я был им... Как я мог бы счастлив быть,
Смирив нетерпеливые желанья!
Но зависть ум мутила... Мой ровесник,
Двоюродный брат Леопольд, увенчан
Был почестями, управлял страной,

А в это время мной так помыкали,
Как будто я подростком был незрелым...

Телль

Да, знал тебя твой дядя, император,
Когда странюю не дал управлять!
Ты изуверским, страшным преступленьем
Сам подтвердил, как прав он был тогда...
А где теперь сообщники злодейства?

Паррицида

Бежали, мщенья духами гонимы.
Со дня того я не видал их боле.

Телль

Ты вне закона, знаешь? Друг не вправе
Тебе помочь, а враг — все вправе сделать.

Паррицида

И потому дорог я избегаю,
Я в хижину не смею постучаться —
И дикими, пустынными местами
Бегу вслепую через эти горы.
Я содрогаюсь сам перед собой,
В ручье поймав свой злополучный облик.
О, сжальтесь, Телль! О, будьте человечны!..

(Падает перед ним на колени.)

Телль

(отворачиваясь)

Да встаньте! Встаньте!

Паррицида

Нет, прежде руку помощи подайте.

Телль

Как вам помочь? Что вам людская помощь?
Но встаньте... Пусть ужасно преступленье —
Вы человек... Я тоже человек.
Телль безутешного не огтолкует.
Что в силах сделать — сделает он.

П а р р и ц и д а
(подбежав, хватая Телля за руку)

Телль!
Вы душу от отчаянья спасете.

Т е л л ь
Да отпустите руку!.. Вам пора.
Тут скрыться невозможно, вас настигнут.
Надеяться нельзя вам на защиту...
Где вы приют найдете?

П а р р и ц и д а
Ах, не знаю.

Т е л л ь
Господь внушил мне вот какую мысль:
В Италию спешите, к папе, в Рим!
И там, у ног святейшего отца,
Томящуюся душу успокойте.

П а р р и ц и д а
А если он предаст меня врагу?

Т е л л ь
Что сделает — примите, как от бога!

П а р р и ц и д а
Но как пройти мне в незнакомый край?
Дороги я не знаю, и нельзя мне
Попутчиком к паломникам пристать.

Т е л л ь
Я расскажу вам путь, запоминайте.
Идите вверх и вверх навстречу *Ройсу*,
Что мчится с гор потоком разъяренным.

П а р р и ц и д а
(с испугом)
Увидеть Ройс! Как в тот злосчастный день!

Т е л л ь
Над пропастью тропа идет, крестами

Означенная в память о погибших,
Кто заживо лавиной погребен.

П а р р и ц и д а

Мне ужасы природы не страшны,
Когда я муки сердца обуздаю.

Т е л л ь

Вы у подножья каждого креста
Молитесь со слезами покаянья.
И, счастливо пройдя дорогой грозной, —
Коль в пропасть лютый вихрь вас не сорвет,
Не похоронит снежная лавина, —
Увидите *весь в брызгах пены мост*.
И если он под бременем вины,
Отяготившей вас, не рухнет в бездну,
То мрачные *скалистые ворота*
Вам попадутся на пути. А дальше
Откроется веселая *долина*.
Но поскорее проходите мимо —
Где мир царит, нельзя вам долго быть.

П а р р и ц и д а

О Рудольф! Рудольф! Царственный мой предок!
Так бродит внук твой по твоей земле!

Т е л л ь

Идя все вверх, придете к Сен-Готарду.
Там вечные на высях есть озера;
Они струями чистыми с небес,
Как чаши, наполняются. Прощайтесь
С землею нашей тут. А вниз другой,
В Италию, вас выведет поток...

Слышатся звуки швейцарской пастушеской песни, исполняемой множеством
альпийских рожков.

Чу! Голоса слышны. Прочь!

Г е д в и г а

(вбегая)

Где ты, Телль?

Отец идет, а с ним толпа народа
Из Ури, Унтервальдена и Швица...

П а р р и ц и д а
(закрывает лицо руками)

Среди счастливых — лишний я один!

Т е л л ь
Жена моя, ступай и подкрепиться
Дай страннику и щедро надели
Дарами в путь далекий и пустынный.
Спеши! Идут.

Г е д в и г а
Но кто он?

Т е л л ь
Все равно!
А выйдет из дому, ты отвернись,
Чтобы глаза про путь его не знали!

Паррицида стремительно подходит к Теллю, но тот останавливает его движением руки и уходит. После того как они разошлись в разные стороны, сцена меняется.

С Ц Е Н А П О С Л Е Д Н Я Я

В долине перед домом Телля и на возвышенностях, которые замыкают ее, стоят живописными группами поселяне. Другие еще подходят по высокой тропе вдоль берега Шехена. Вальтер Фюрст с обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахер идут впереди, другие теснятся за ними. Когда выходит Телль, все встречают его радостными кликами.

В с е

Да здравствует наш Телль, наш избавитель!

Пока передние толпятся вокруг Телля и обнимают его, появляются Руденц и Берта. Руденц обнимает поселянина, Берта — Гедвигу. Во время этой немой сцены на горе играет музыка. Когда она умолкает, Берта выходит на середину круга.

Б е р т а
Друзья мои! Сograждане! Примите

Меня в свой круг. Я первая защиту
Нашла в стране свободы — и вверяю
Свои права народу. Защищать
Вы будете меня, свою гражданку?

Поселяне

Мы кровью защитим тебя!

Берта

Спасибо.

Теперь я руку отдаю ему,
Свободному — свободная швейцарка!

Руденц

Свободу я даю всем крепостным.

Все

(кричат; музыка возобновляется)

Свобода! Свобода! Свобода!*

Под звуки музыки занавес падает

1804

КОММЕНТАРИИ

С именем Вильгельма Телля швейцарцы связывают память о победоносной освободительной борьбе против чужеземного ига, которую они вели в XIV веке, отражая попытки Габсбургов завладеть их землями.

Габсбурги вели свой род из Швейцарии, где у них были разбросанные по разным местам владения, в том числе и родовой замок Габсбург. В 1273 году граф Рудольф Габсбургский был избран императором так называемой Священной Римской империи германской нации. Империя эта представляла собой федерацию лишь очень слабо связанных между собою немецких феодальных государств. Власть императора была весьма ограниченной и нетвердой. Но как ни была она мала, Габсбурги широко использовали ее в своих интересах. В 1276—1278 годах первый император из династии Габсбургов, упомянутый выше Рудольф, отнял у Чехии ряд славянских земель: Австрию, Штирию, Каринтию и Крайну. Земли эти (впоследствии онемеченные) очень усилили Габсбургов и стали основным ядром их владений. После смерти Рудольфа на императорский престол был избран граф Адольф Нассау; против него начал борьбу сын покойного императора Рудольфа, герцог Альбрехт, которому удалось не только свергнуть, но и убить Адольфа.

Водворившись на императорском престоле, Альбрехт I (в своих «наследственных» владениях он был всего лишь австрийским герцогом) решил завладеть землями Швейцарии; она распадалась тогда на ряд самостоятельных государств, в числе которых были города, монастыри, графства, рыцарские владения, а также такие преимущественно крестьянские государства-общины (кантоны), как Швиц, Ури и Унтервальден. Последние входили в союз государств, составлявших империю, но Альбрехт стремился присоединить их к своим наследственным землям, сделать их австрийскими владени-

ями. Ему нетрудно было добиться того, чтобы имперские наместники (ланд-фохты, фохты) в этих кантонах стали действовать в пользу Австрии. Но их гнет и произвол вызывали сопротивление со стороны швейцарских свободных крестьян; они возобновили существовавший прежде союз так называемых лесных кантонов (Швица, Ури и Унтервальдена), прогнали фохтов и в дальнейшем успешно отражали нападения Габсбургов и других врагов на свою страну. К трем кантонам, начавшим борьбу, стали присоединяться города, крестьянские общины и другие крошечные швейцарские государства, постепенно объединявшиеся тоже в кантоны, совокупность которых и образовала впоследствии Швейцарский Союз, или Швейцарию, горную страну в центре Европы.

Швейцарцы с гордостью вспоминают о своей освободительной войне, героем которой, по преданию, был Вильгельм Телль. Прославляя древнюю освободительную борьбу швейцарцев против могущественных чужеземцев, грозивших поглотить их страну, Шиллер устами героев своей последней пьесы призывал современную ему Германию сбросить чужеземное, наполеоновское иго и объединить немецкий народ.

Герой драмы «Вильгельм Телль» — лицо не историческое. Драма основывается на древнем народном сказании о метком стрелке из лука. Подобные сказания встречаются у многих народов. С именем легендарного Вильгельма Телля швейцарцы (не сомневавшиеся в том, что их национальный герой действительно существовал) связали, как уже говорилось, свою освободительную борьбу против попыток Австрии навязать им свое господство.

Шиллер начал писать «Вильгельма Телля» 25 августа 1803 года после подготовительных работ, длившихся около года: он изучал историю Швейцарии, природу этой горной страны, быт и нравы ее разнородного населения, народные песни и сказания. 18 февраля 1804 года Шиллер записал в своем рабочем календаре: «Окончил Телля».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Озеро Четырех Лесных Кантонов (Ури, Швица, Унтервальдена и Люцерна). — Фирвальдштетское озеро называется еще Люцернским.

Гакен — горная цепь к северо-востоку от города Швиц.

Лысуха — большая черная водяная курица с белым гладким наростом на голове и с перепонками на ногах.

День Симона-Иуды — 28 октября, пора осенних бурь. По древнему поверью, в этот день озеро ждет человеческой жертвы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

«Не присягайте Австрии». — Император Альбрехт I (одновременно австрийский герцог) насильем вымогал у швейцарцев, входивших в союз государств, составлявших империю, присягу австрийскому дому, что означало бы захват Швейцарии габсбургской Австрией.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Берта фон Брунек — австрийская дворянка: все ее земли — в Швейцарии. Она родственница Геслера, и он хочет жениться на ней, чтобы прибрать к рукам ее имения.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

«Охотника свергает в бездну серна». — По старинному швейцарскому народному поверью, преследуемая серна прыгает иногда через охотника или мимо него, сбрасывая его при этом в пропасть.

Рютли — поляна в кантоне Ури, на западном берегу озера; легендарная колыбель швейцарской независимости. Народное сказание повествует, что здесь в ночь на 8 ноября 1307 года Штауффахер из Штайнена (кантон Швиц), Вальтер Фюрст (кантон Ури) и Арнольд Гальден из Мельхтала (Унтервальден) вместе с единомышленниками поклялись освободить свою родину от габсбургских фохтов. В Рютли сооружен монумент в память о легендарной ночи 8 ноября 1307 года.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

«Австрийский плащ пурпурный на плече...» — В гербе австрийских герцогов — пурпурное поле с серебряными полосами, и Руденц избрал пурпурный цвет для своего плаща в знак приверженности австрийцам (другим знаком было павлинье перо).

«Мы Габсбургу противимся напрасно: ему весь мир подвластен». — В действительности этого не было. Но средневековые германские императоры, присвоившие себе титул римских миродержцев, неудержимо стремились к мировому господству.

«Он городá стал отдавать в залог». — Германские императоры отдавали в залог города и присоединившиеся к Империи страны, продавали титулы, должности, права и т. п.

Фаэнца — итальянский город неподалеку от Равенны. В 1241 году после восьмимесячной осады его взял германский император Фридрих II Гогенштауфен. В войске Фридриха II был отряд швейцарцев, оказавших ему большие услуги в борьбе с папой; за это император дал швейцарским общинам грамоту, подтверждавшую еще до падения Фаэнцы их старинные вольности.

СЦЕНА ВТОРАЯ

«Один из Винкельридов победил дракона в Вайлерском болоте». — Швейцарская хроника Чуди рассказывает легенду о том, что около 1250 года в болоте возле селения Станц жил дракон, наводивший ужас на окрестности. Он был убит Струтом Винкельридом, который, однако, погиб, так как в его раны проник яд из крови дракона.

«Вы слышите рог Ури?» — С древнейших времен сигналом Ури была боевая мелодия огромного рога зубра; са-

мое название кантона Ури народ выводит от слова «ур» — зубр.

«Как власти знак, мечи мы водрузим». — Перед старшиной водружали два меча как знак его власти.

«Возобновляем мы союз старинный» — союз, который связывал Ури и Швиц около середины XIII века в их общей борьбе против Габсбургов.

«Живет другой народ, с чужою речью» — это сказано о пограничном с Францией кантоне Ле Вале (Валлис), где подавляющая часть населения говорит не на немецком, а на французском языке, и пограничном с Италией кантоне Тичино (Тессин), где почти все население говорит по-итальянски; четвертый язык в Швейцарии — ретороманский, на котором говорят несколько десятков тысяч человек в кантоне Граубюнден. Рассказанное Штауффахером предание о том, что швейцарцы — выходцы из Швеции, неисторично.

«В том грамоту нам император дал». — Император Фридрих II Гогенштауфен дал лесным кантонам в 1241 году грамоту, по которой они были обязаны повиноваться только императору. Первые Габсбурги на императорском престоле отказывались подтвердить грамоту Гогенштауфенов.

«Мы раз не подчинились государю» — Генриху V. Лесные кантоны отказались в 1114 году подчиниться его решению в вопросе о границе с аббатством Айнзидельн, а когда другой император, Конрад IV, подтвердил это решение и подверг кантоны опале, они вышли из состава империи и вступили снова только спустя восемь лет.

«И от слуги чужого...» — от фохтов, ставленников герцога Австрийского.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

«Будь я другой, меня б не звали Телль» — намек на созвучие Tell и toll (нем. — безрассудный, шальной, шалый).

«Да, это правда, с яблони собьет мне яблоко отец хоть в ста шагах». — Шиллер вставил эти два стиха позднее, по совету Гёте. «Так как Шиллер, — рассказывает Гёте, — сам всегда смело приступал к действию, то он не был охотником до основательных мотивировок... Он обязательно хотел, чтобы Геслер сорвал яблоко с дерева и заставил сбить его выстрелом с головы мальчика. Это для моей натуры было невозможно, и я уговорил его, чтобы такая жестокость имела свое обоснование хотя бы в том, что мальчик Телля сам превозносит ловкость своего отца и говорит ланд-foxту, что отец его может сбить яблоко с дерева в ста шагах. Шиллер сначала не соглашался, но под конец он сдался на мои представления и просьбы и сделал так, как я ему посоветовал» (Эккерман. Разговоры с Гёте).

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

«Язык у правды нем» — об Аттинггаузене.

«А зоркие глаза ослеплены» — об отце Арнольда Мельхталя.

«И руки, что спасти должны, — в оковах» — о Вильгельме Телле.

СЦЕНА ВТОРАЯ

«Сломить отважных сыновей свободы». — В немецких изданиях стих этот печатается так: «Ein harmlos Volk der Hirten zu bekriegen» («Идут войной на мирных пастухов»). Но в шиллеровской рукописи для гамбургского театра этот стих звучит совсем иначе: «Der Freiheit muth'ge Kinder zu bekriegen» («Сломить отважных сыновей свободы»). Именно этот стих воспроизводится переводчиком «Телля» в настоящем издании.

«Крестьянин бросился на копий лес» — легендарный подвиг Арнольда Винкельрида в битве при Земпахе (1386), когда австрийцы были разбиты наголову.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

«Дом Габсбургов все крепнет. Сын закончит, что славно было начато отцом». Отец — Рудольф Габсбургский, первый германский император (1273—1291) из рода Габсбургов. Сын — император Альбрехт I (1298—1308).

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

«Правдолюбивый Иоганнес Мюллер». — Эта строчка — своеобразный дар признательности Шиллера историку Иоганнесу Мюллеру (1752—1809), автору «Истории швейцарского союза» — одного из основных источников драматурга во время работы над «Вильгельмом Теллем».

«А что его толкнуло на злодейство, отцеубийству равное?» — Герцог Иоганн Швабский, незаконно лишенный своих наследственных земель родным дядей, императором Альбрехтом I, убил последнего в 1308 году, когда тот ехал в свою резиденцию Райнфельд из габсбургского родового замка Штайн (в кантоне Ааргау). За это убийство Иоганн был прозван «Паррицидой» («Отцеубийцей»).

«...огромный древний город» — Виндонисса (в новое время — Виндиш), знаменитый римский пограничный город, сдерживавший напор германцев; был разрушен в 594 году.

Агнеса — дочь Альбрехта I, вдова венгерского короля
Андрея III.

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

«Вильгельм Телль» в шиллеровской рукописи для Гамбургского театра заканчивался троекратным ликующим возгласом победившего народа: «Свобода! Свобода! Свобода!», воспроизводимым в настоящем переводе,

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Славятинский. Шиллер и его «Вильгельм</i>	
<i>Телль</i>	3
ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ	15
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	17
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	51
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	79
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	110
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ	143
Комментарии	166

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по
адресу: Москва, Д-47,
ул. Горького, 43. Дом детской
книжки.

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Фридрих Шиллер

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

Драма

Ответственный редактор
О. А. Лаврова.

Художественный редактор
Н. Г. Холодовская.

Технический редактор
Н. В. Сучкова.

Корректоры
Е. С. Карташова и М. Б. Шварц.

■
Сдано в набор 10/III 1959 г. Подписано
к печати 18/V 1959 г. Формат 60×92¹/₁₆ —
11,13 печ. л. (7,36 уч.-изд. л.). Тираж
50 000 экз. Цена 4 р. 80 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

■
Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушевский вал, 49.
Заказ № 1764.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР**

*В серии «Школьная библиотека» для средней школы вый-
дут в 1959 году следующие произведения зарубежной лите-
ратуры:*

НЕМЕЦКИЕ БАЛЛАДЫ

СКАЗАНИЕ О РЮБЕЦАЛЕ

Народные немецкие сказания о горном духе
Рюбецале, покровителе и защитнике бедняков.
Перевод с немецкого

СКАНДИНАВСКИЕ СКАЗАНИЯ О БОГАХ И ГЕРОЯХ

Переложение для детей одного из лучших памят-
ников эпоса северных народов — сказаний о скан-
динавских богах и героях.

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ С. МАРШАКА

ИЗ ШЕКСПИРА, БЕРНСА, ГЕЙНЕ, ПЕТЕФИ И ДР.

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

перевод со старофранцузского

*Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школь-
ные библиотеки.*

ВО ДЕТЕЙ
ОСВЕЩЕНИЯ

ГЕРОИ
И ДРУГИЕ

рном дуге
е бедняков.

ГЕРОЯХ
ших памят-
ний о скан-

и и др.

ЮННОВЕ И ИЧОУ-

44

